

Андрей Евгеньевич: Мы начинаем нашу работу, до 13:30. У нас есть люди, которые запланированы, кто-то не смог, к сожалению. Вы знаете, что именно вчера и сегодня проходит общее собрание Российской академии наук, и вашему покорному слуге тоже было очень трудно уйти оттуда. Скажем вообще, Валерий Анатольевич – у него вообще безвыходная ситуация, его в счетную комиссию по принятию устава, и только что академик Татаркин мне звонил, тоже не может выйти. Поэтому у нас есть люди, которые запланированы, кто-то смог приехать, кто-то не смог. Я думаю, все желающие выступят, только давайте сразу договоримся: прежде Сергею Дмитриевичу для вступительного слова передам, чисто организационные вопросы. Давайте все-таки будем укладываться в пределах 10-12 минут. И я прошу не обижаться, если я буду напоминать коллегам о регламенте. Еще раз хочу сказать, что нарушение регламента одним означает ущемление прав другого. А мы – люди демократичные, мы не любим ущемлять права. Какие-то есть организационные вопросы? Кто хочет еще, кроме тех, кто хотел, чтобы я не забыл – напишите на бумажке. И попробуем поговорить...

У нас не очень удобное, конечно, расположение: президиум, зал, хотя название – круглый стол. Но давайте так: мы действительно обсуждаем проблемы, не просто высказываем. Вот это мое организационное. Какие-то еще по организационным вопросам есть проблемы? Ну, давайте, Сергей Дмитриевич.

Бодрунов С.Д.: Спасибо, Андрей Евгеньевич. Уважаемые коллеги, друзья – вчера на большом пленарном заседании я уже выступал с такими некоторыми программными заявлениями по вопросу реиндустриализации в сфере промышленности, определенные процессы происходят, и нам хотелось бы об этом говорить и говорить. Кто-то, наверное, присутствовал вчера, может быть, кто-то не присутствовал. Я какие-то вещи сейчас скажу, возможно, немножко повторюсь, потому что тема требует раскрытия. Мы решили провести сегодняшний семинар под названием – «Новая индустриализация: инновационные возможности, опыт Европы и России». Готовили название несколько ранее, чем Европа начала говорить о том, что надо с Россией поменьше работать. Но, тем не менее, опыт Европы для нас все равно также важен, как наш собственный российский опыт.

Что я хочу сказать по поводу нашего опыта и по поводу реиндустриализации, **новой индустриализации (00:03:41)** вообще. Наверное, мы все понимаем, что сегодня мы находимся в состоянии поиска новой модели экономического роста. Некоторые наши коллеги говорят о необходимости формирования новой экономической доктрины развития России. И встает вопрос – по какому пути нам идти. Сегодняшний форум – это вообще мероприятие, посвященное обсуждению этой глобальной проблемы. Мы стоим на позициях одних, так сказать. Наши оппоненты, коллеги стоят на позициях других **[нрзб] (00:04:23)** например, и так далее. Мы, тем не менее, полагаем, что на сегодняшний момент, так сказать, для того, что бы определить новую модель экономического роста и понять, что будет доминантой в новой экономической доктрине, мы должны с вами понять: а) почему мы сейчас ее ищем – эту новую модель экономического роста? Наверное, потому что все мы понимаем, что движение российской экономики, динамика развития не соответствует тем ожиданиям, на которые мы полагались лет 10-15 назад.

[00:04:58]

В чем наш опыт? Я думаю, что опыт состоит в том, что мы уже осознали: Россия идет с точки зрения развития экономики не туда. Опыт России 20 лет развития не туда, он

состоит, я бы сказал, из двух этапов. И оба эти этапа направлены на то, что мне как промышленнику, а я занимаюсь проблемами промышленности примерно 25 лет, и в практическом, и в теоретическом плане, мне совершенно ясно, что факторов деструктивного состояния сегодняшней экономики может быть много. Но для нашего института индустриального развития главным фактором является то, что мы считаем основным: это состоявшаяся глубокая деиндустриализация российской экономики. И если мы говорим о том, что происходило, какой у нас опыт есть в этом плане, то опыт у нас по большей части негативный.

Первый опыт 90-х годов – это результат развала хозяйственных связей и первый этап деиндустриализации. Это более-менее объективная ситуация, проистекшая из политических коллизий, которые были в 90-х годах. Опыт 2000-х годов это уже, по моему пониманию, абсолютно субъективный, опять же, опять же негативный опыт по субъективной ситуации. Это результат неквалифицированного, непродуманного, недостаточно правильного, я бы так, наверное, не побоялся сказать, отношения к формированию нашей экономической парадигмы. Мы пошли вместо формирования экономики предложения, вместо поддержки реального сектора, мы пошли по пути постоянного наращивания расходов в тех сферах, которые – я бы даже не сказал в социальной сфере, а в тех сферах, которые не приносят ничего в реальную экономику, не дают продукта, не дают услуги, не дают какого-то довеса, добавочного продукта в нашу экономику.

Я вчера приводил некоторые примеры. Сегодня я, наверное, еще раз скажу, я готов сейчас здесь слайды показать. Наверно это не стоит делать, вчера мы это показывали частично и кое-что будет опубликовано, но могу сказать, что вы знаете, как любой человек, который занят реальным сектором экономики, он понимает, я понимаю, наверное, вы понимаете, что в любом продукте произведенном значительная доля, есть разные затраты, в том числе зарплата, в том числе связанные с зарплатой косвенно. Например, тарифы монополий, которые тоже повышаются в связи с тем, что зарплата повышается. И если накачивать через зарплату затраты, то в этом случае стоимость продукта будет все больше и больше, а продукта больше самого не будет.

Что у нас происходило в эти годы? Если взять конец 90-х годов, помню, зарплата была 2000-2500 рублей, зарплата в реальном секторе экономики, да и практически везде. Потом дальше – что было? Вот недавно на Съезде промышленников Санкт-Петербурга, на президиуме Союза промышленников, выступал наш бывший министр финансов Алексей Леонидович Кудрин. И он на голубом глазу, так сказать, в ответ на вопросы коллег из зала, Алексей Леонидович работал у нас, до того как стал министром финансов, работал в Санкт-Петербурге и заведовал нашим комитетом экономики и финансов, тогда это было. А я потом после него заведовал, через несколько лет - комитетом экономики без финансов, так было разделено. Там присутствовали другие уважаемые наши коллеги, которые все вышли из одной шинели и поэтому, задали прямой вопрос: «Алексей Леонидович, а вот вы говорите – вот такие-то проблемы, а как же? Вы же влияли на процесс? Вы же в Минфине работали вице-премьером, министром финансов 10 лет. Дважды лучший министр финансов мира». Он сказал: «Вы знаете, вы что – не понимаете, что ли? Я никак не могу отвечать за экономическую политику, которая проводилась 10 лет, (10-летие Кудрина А.Д. как мы называем). Почему? Потому что вы знаете, у нас в стране решение принимает не правительство так сказать, мы только исполняли чужую злую волю». И жалуется: «Да, нам пришлось повысить зарплату, например, в секторе (как он

сказал) – сначала в бюджетном – (но потом поправился все-таки) – зарплату госслужащих, потом чиновников всех уровней и прочее, примерно в 25 раз за 10 лет».

[00:09:57]

Если в 25 раз повысить за 10 лет, так понятно, что подтягивается зарплата в реальном секторе экономики к этому делу. Потому что человек с большой зарплатой придет на потребительский рынок и будет платить больше, цены тут же подрастают. Значит, приходится поднимать зарплату всем. И зарплата, поднимающаяся в реальном секторе, выросла за это время в 8 раз, а продукта мы дали, по его же словам – в 1,5 раза больше. Таким образом, мы понимаем, что попадаем в классическую ловушку средних доходов. И если это не видел министр финансов и не предупреждал об этом правительство, то мы сказали, я сказал, что это сомнительно вообще.

Вот я директор, допустим, работал директором предприятия вначале одного, потом второго – лет 20 в общей сложности, директорствовал. Никогда я не принимал решения, вот волонтеристки пришел, сказал: «А вот давайте мы Сидорову повысим зарплату, Иванову не повысим». Ну, может такая ситуация один раз случиться, но в основном есть предложение службы финансовой: «Делаем то-то, вот есть варианты, давайте решать». Наверное, вот так как-то. Ну, кто готовит это – как раз финансовая служба эти вопросы. И я могу сказать, у меня есть на сегодняшний день прямые доказательства, так сказать. Вот Алексей Леонидович, в частности, и другие уважаемые министры, прямо говорят: «Мы сформировали вот такую политику, мы сделали, мы за это в ответе. Вот смотрите, как хорошо растут доходы населения и так далее».

Я думаю, что этот подход, когда мы постоянно повышали населению уровень доходов, без поддержки в то же время реального сектора, потому что вторая часть средств, которая попадала от бюджетных доходов, которые шли как раз, которые получали в России не потому, что так хорошо работало правительство, а потому что такая была конъюнктура мировая. Если мы нефть и газ продавали первые десятилетия примерно по цене в 5, в 6, в 10 раз меньше, дешевле и получили 200 миллиардов долларов за 10 лет, то за 10-летие Кудрина мы получили 2 триллиона долларов. А в промышленность за это время пошло денег всего лишь на 6% больше, чем за предыдущий период. Можно себе представить, что промышленность на самом деле стагнировала, потому что мощности изнашивались, амортизация шла, а модернизации не было.

Частный сектор, на который рассчитывать можно было бы, что он начнет там инвестировать – кто же будет инвестировать в такой ситуации, когда затраты растут, норма прибыли снижается, сама промышленность схлопывается... И кто-то начнет, вдруг частники начнут инвестировать без поддержки государства. Этого не могло быть по определению. Вот эта ситуация, она сегодня привела к тому, что мы имеем. Мы попали в круг [нрзб] (00:12:45), который все более и более расширяется. Если его не разорвать, если сейчас не обратиться к другой политике, не вернуться к восстановлению роли промышленности, как базовой компоненты экономики и не дать на это определенные ресурсы, средства, государственные инвестиции – наверное, мы станем Зимбабве и будем бананы продавать, которые в Африке или где-то в Южной Америке.

Андрей Евгеньевич: Мамонтовую кость.

Бодрунов С.Д.: И то для этого, наверное, деньги надо найти.

Андрей Евгеньевич: Нет-нет. Мамонтовая кость, я просто хочу, я хорошо знаю, недавно защищал диссертацию, мамонтовая кость – особый геокриогенный ресурс России. Во всяком случае, геологоразведки. Мой товарищ хороший зампреда председателя природных ресурсов [нрзб] (00:13:32) диссертацию защитил. Мы монополисты по добыче мамонтовой кости. И вообще – блестящая работа, хоть я и не специалист...

Бодрунов С.Д.: Если найдут мамонтовые кости какие-то, потенциал для мирового рынка, [нрзб] монополисты. Так что уважаемые коллеги проблема, которая сегодня имеется, так сказать, это проблема восстановления роли промышленности. Причем, какое восстановление? Понятно, что восстановление роли промышленности должно идти на новой технологической основе. Так что, уважаемые друзья, я предложил бы пообсуждать эту тему. Я знаю, что здесь есть серьезные специалисты по этому вопросу. И я рад всех приветствовать от имени форума, от имени оргкомитета форума. Я вижу здесь людей из разных городов. Начнем нашу работу. Андрей Евгеньевич, кто там у нас первый?

Андрей Евгеньевич: Я хочу сказать так о том, что, уважаемые коллеги, я здесь пока Сергей Дмитриевич говорил, я пытался хоть как-то выстроить, но выстраивать я буду таким образом, в первую очередь. В первую очередь я хочу, это будет полезно нам, так что будем так говорить, из эгоистических соображений. А то мы экономисты, теоретики тут придумываем у себя, начитавшись всяких книжек, классиков и прочее – придумываем разные схемы и объясняем, чего нужно нашей промышленности, нашим предприятиям и так далее.

[00:15:00]

Вот в свое время мой учитель, академик Абалкин Леонид Иванович, который возглавлял, я был у него завом... Когда он пришел в правительство, был такой период в последние годы советской власти, его пригласили в правительство – заместителем председателя Совета министров СССР Николая Ивановича Рыжкова и ответственным за проведение за проведение экономической реформы. Я участвовал в работе очень близко на всех этапах. Вот они готовили реформы, это другой вопрос, есть [нрзб] (00:15:39), но готовили ее так: они в каждый раз, на каждое свое предложение собирали директоров промышленных предприятий, у себя в Кремле, и обкатывали. Потому, что одно видение из кабинета теоретика, из кабинета кремлевского, и совсем другое видение здесь на местах. И вот Сергей Дмитриевич так вскользь вспомнул, но в данном случае, [нрзб] сотрудничество с институтом, который организовал Сергей Дмитриевич – Институт нового индустриального развития. Он не просто теоретик, это доктор наук и так далее. Но он реальный директор реальных промышленных предприятий и **это есть неоспоримо**. Он знает проблему, причем, высокотехнологической промышленности предприятий. Поэтому он знает проблемы изнутри, поэтому я ему представил...

Я хочу именно так и продолжить, вы поняли, на кого я поглядываю сейчас. Значит, я хочу начать разговор с того человека, который непосредственно занят в реальном секторе экономики. Нам полезно это послушать. В реальном секторе экономики. Это Сергей Николаевич Николаев – доктор технических наук, профессор, генеральный директор консалтинговой фирмы. Это та консалтинговая фирма, которая работает как раз в машиностроении, правильно формулирую? Название это уже не суть важно, если надо, а то скажут – рекламируешь.

Николаев С.Н.: Я назвал свое выступление так: «Мировоззренческие основы успешного развития промышленности». В окружающей нас действительности нетрудно обнаружить множество серьезных не решаемых проблем. Например, из-за постоянно снижающейся доли продаж техники собственной разработки на российском рынке, закрываются многие предприятия, сокращаются рабочие места, разваливается отраслевая наука, сокращается выпуск инженеров. В составе 50 лучших предприятий мира по строительному машиностроению вошли 9 китайских предприятий, одно турецкое и не одного российского.

Практически отсутствуют какие-либо положительные результаты вследствие действия государственной программы развития промышленности и повышения ее конкурентоспособности, начатой в 2012 году. Производительность труда на российских машиностроительных предприятиях до 10 и более раз ниже, чем на лучших зарубежных предприятиях. Перечень можно продолжить. Выполненные нами исследования показывают, что одной из основных причин имеющихся проблем, является преимущественное сохранение у работников организационных формований... Я буду называть организационные формования – это органы управления коммерческих предприятий и некоммерческих. Причина – сохранение у работников организационных формований советского мировоззрения при принятии решений.

Такое мировоззрение не способствует достижения успеха в условиях рыночной экономики. Оно не базируется на широко распространенной передовой мировой практике фундаментальных принципов достижения успеха. Необходимость коренного изменения действующего мировоззрения также вытекает из известного высказывания лауреата Нобелевской премии Альберта Эйнштейна. Он сказал: «Не изменив способ мышления, мы не сможем решить проблемы, созданные при существующем способе мышления».

Остановимся более подробно на наиболее распространенных в передовой зарубежной практике, основополагающих принципах достижения успехов в рыночной экономике. Как известно, фундаментальные принципы сами по себе являются объективной реальностью. Эти принципы являются естественным законом человеческого бытия. Они проявляются в различных странах, в различных системах. На важность основополагающих принципов достижения успеха указывал уже в 2011 году в своей книге «12 принципов производительности» известный американский ученый Эмерсон.

[00:20:03]

Он выполнил анализ причин достижения военных успехов Чингисхана, Бисмарка, Наполеона и других. При этом он пришел к выводу, что все в своей деятельности использовали одинаковый принцип. Упомянутые принципы широко используются в передовой зарубежной практике. Однако они почти не применяются в России. В международных стандартах ISO.9000 «Система менеджмента качества», выдержавших 5 изданий указывается, что нельзя создать действенную систему управления качеством продукции или организационного формования без использования 8 принципов эффективной деятельности. Однако практически эти принципы не применяются в России.

Европейский фонд по управлению качеством разработал в 1991 году модель делового совершенства организационного формования. Эта модель основывается на 8 базовых принципах достижения успеха. Однако данные принципы у нас тоже не используются. Корпорации – лидеры мирового бизнеса – в своей стратегии приводят принципы достижения успеха, которых в обязательном порядке должны придерживаться их

работники. Однако у нас такого нет. На основании выполненных обобщений мы предлагаем в работе российских организационных формирований на ближайший период использовать как минимум 7 базовых принципов.

Первый принцип формулируется следующим образом: успеха добивается только то организационное формирование, у которого большая часть руководства и персонала знает, что и почему надо делать, а также хотят это выполнить. Из данной формулировки следует необходимость формулировки для организационного формирования правильных целей; трансформация этих целей и задач для подразделений и для работников; ознакомление работников с обоснованностью принятой при правильности и полезности целей; обеспечение максимального возможного стимулирования успешного выполнения целей; и обеспечение способности персонала по выполнению поставленной цели наилучшим образом.

Я имел возможность исследовать органы управления в России, вот даже с Думой, и я имел возможность исследовать органы управления в США. Так что я некоторые примеры, сейчас нет времени, я буду коротко, но если будут вопросы – я буду говорить. Данный принцип не выполняется во многих предприятиях государственных и законодательных органах управления. Пример: мы работаем с департаментом, занимающимся **строительством дорожного строения Минпромторг (00:22:52)** – люди ни за что не отвечают. У них нет измеримой цели. Нет измеримой цели, нет стимулирования и нет потребности в знаниях. Я могу привести примеры, они очень далекие.

Что есть на предприятиях? На предприятиях, как правило, какие цели ставятся? Цели продаж не ставятся у большинства, цели долей на рынке не ставятся, а ставится часто цель объема производства, а эта цель не соответствует никаким критериям правильности целей. Если надо я отвечу потом на вопросы. Далее, вот этот принцип не заложен в государственную программу, которую я упомянул – повышение конкурентоспособности. В результате она практически, программа не действует. Если надо я могу рассказать. Мы анализ сделали: по одной только подпрограмме 28 недостатков.

Второй принцип формулируется как – концентрация усилий на достижение максимальной удовлетворенности потребителей. В передовой практике установлено, что если после приобретения товара он не соответствует ожиданиям клиента, то клиент находится в неудовлетворенном состоянии. В результате он повторно не закупает товар, и информирует 10-15 потенциальных клиентов о своем отрицательном к нему отношении. При удовлетворенности клиента имеется 50% вероятность, что он его больше не приобретет. Однако при очень высокой удовлетворенности, клиент его повторно приобретает, сообщая свое положительное мнение 10-15 потенциальным клиентам, соглашается на повышение цены и осуществляет приобретение другой продукции. Данный принцип положен в основу деятельности всех преуспевающих формирований. В передовой практике сложился набор действий для производителей продукции по достижению максимальной удовлетворенности потребителя.

[00:24:59]

Данным принципом пренебрегают в своей деятельности многие российские предприятия и органы управления. Ни в одной программе нет этих целей. В целях предприятий такого нет, а если разобраться, вот вчера я слушал второй блок, потом ушел: причины – почему у нас плохо техника продается? Главная причина это неудовлетворенность потребителей,

потому что все говорили там – налоги. Это мало играет роль. Сейчас Бабкин говорит все время, что он хорошо что-то делает. Вот у меня есть с собой, в октябре был, совещание Путин проводил и там Бабкин был. И там выступил министр Федоров и сказал, что вот: «Я был на совещании с губернатором в Ростовской области, они говорят – не надо нам русские, нам не надо такие компании. Они ни по энергоемкости, ни по надежности, ни по чему не подходят». Ну а по российским по многим – и строительные, и дорожные, и горные мы исследования делаем. Это неудовлетворенность потребителя. Это главное, а не просто главное, что это налоги. Это тоже важно, но это не главное там еще есть другие факторы, которые мешают.

Но самое главное – это неудовлетворенность потребителей данной продукции. Другую вещь возьмите, что делают? Вот, например, Минпромторг выделяет деньги на НИОКР. Но как проектируют машины? А проектируют по ГОСТу советских времен, и в этом ГОСТе ничего нет про неудовлетворенность. У нас есть публикация на это. Это заранее все деньги, которые выделяются на НИОКР сейчас, они все впустую идут. Вот такая ситуация, и никто об этом не думает. Третий принцип формулирует... Да и ни в одной программе... И потом, вот я видел проект закона «О промышленной политике», там вообще тоже об этом. А как можно говорить о подъеме промышленности, не зная самое главное, чтобы она удовлетворяла в максимальной мере потребителей, тогда это что-то будет.

Третий принцип формулируется следующим образом: при принятии важных решений следует ориентироваться на уровень мировых стандартов. В западных странах работники часто придерживаются следующего философского утверждения – следует быть достаточно умным, чтобы признавать, что всегда есть кто-то, кто чем-то лучше вас, а так же быть достаточно мудрым, чтобы учиться у него, а затем догнать и перегнать учителя. Я так детально не буду, но я хочу сказать: у нас полностью пренебрегают этим передовым опытом.

В результате у нас не просто есть ошибки, а вред. Я сейчас, что мы этим принципом пренебрегаем, ли, приведу такие примеры. Например, ассоциации: у нас, видите, я лет 15 работал с Американской ассоциацией производителей и Союзом машиностроителей Германии. Это высококласные, высокоорганизованные организации. Цель их какая – обеспечить высокую эффективность работы каждого предприятия, набор услуг, экспорт и так далее. У нас ни одной нет. Вот если даже «Росагромаш» – мы ее анализировали, она не только даже в пользу, там много вреда есть. Они даже не ориентируются и не знают, как правильно сделать.

Андрей Евгеньевич: У нас тоже есть Союз машиностроителей России, прошу прощения.

Николаев С.Н.: Да. Союз машиностроителей России – он очень плохо работает. А почему еще первый, а закон есть о некоммерческих организациях, там есть пункт об ассоциации. Он сформулирован ужасно. То есть, люди подписали, что главная цель предприятий, ассоциаций – защищать интересы потребителей. А это же вообще, это совсем нигде. Это колоссальное упущение вообще в нашей практике и в работе.

Следующий пункт – экспортная направленность. Да вы возьмите сейчас – Германия, Япония, Америка, Китай сейчас: главная официальная экспортная направленность машиностроения всего и всей обрабатывающей промышленности. А как это сделать? Наши не знают, даже потому что опять не читают. Вот есть классная книга написана «Японские предложения по реформе в Советском Союзе» под редакцией академика

Петракова. Там все, там до деталей все, у нас забыто об этом. Берешь программу, там такие промахи, а там ведь это на высшем уровне. Если надо я могу рассказать. Это как будто нет, все забыли про это.

[00:30:00]

Следующий вопрос – проектный подход. У нас, что это за программа? Это разве нормально? Программа она должна быть программой проектов, а проектов там нет. Проектов таких, как принято в мировой практике. Через проекты можно только решать какие-то, а у нас нечего нет. А в японском опыте классные проекты, как промышленность поднимать через проекты. Следующий вопрос – статистика. Что ж такое мы имеем? Мы говорим, смотрите, отменили деление на отрасли. Как можно управлять промышленностью? В 2003 году? Во всем мире другое деление, все статистика, она ж ужасная. Мы ничего не имеем. Мы имеем по производству, а что такое показатель производства?

Производство это идет то, что на склад. Вот сделал завод – идет часть на склад, часть на экспорт, а часть на рынок. А никто не знает что на рынке, она не охватывает. Мы детально, вот у нас специалист занимается. Ничего там вообще нельзя. Как управлять можно не имея статистики? Это все в мире есть. Вот в Штатах говорят – мини-экономика. Вот у меня такой сборник, каждый год, 395 отраслей. По каждой отрасли есть все: как продано, производительность труда. Я тут немного...

Андрей Евгеньевич: Вынужден, мне самому интересно.

Николаев С.Н.: Хорошо, может быть согласятся...

Андрей Евгеньевич: У меня-то есть с коллегой возможность пообщаться еще и вне этого самого...

Николаев С.Н.: Я быстро принципы скажу и все. Четвертый принцип – повышение качества всего и всеми работниками организационного формирования. Это полностью игнорируется. Я просто хотел обратить внимание, была статья Ильина – это философ: «Спасение в качестве». Она в интернете есть. Все, как мы сейчас как живем, это признак того, что Россия столетиями отставала от качества, по качеству от передовых держав, у нас колоссально.

Пятый принцип – главным ресурсом организационного формирования являются знания его работников, которые постоянно следует углублять. На всех предприятиях есть система управления знаниями. Нечего у нас и нигде этим вообще не занимаются, забыли. Шестой принцип – постоянное улучшение деятельности организационных формирований. Это целая методология. Никто, мало людей это знает и все. Кроме того, Дмитрий Евгеньевич, я хотел обратить внимание – у нас все направлено против новшеств. Я пишу предложение в Минпромторг. Они обязаны написать, что у меня все плохо. Я пишу предложение, например, в правительство. Мне сразу отвечают, причем такие ответы, там никакой логики. Никто не настроен на улучшение сверху донизу.

И последний принцип – это ответственность. Ответственность руководства и персонала организационных формирований за результаты работы. Устанавливается и денежная, и такая... Это все мы не любим, это надо записывать... Еще я не говорил, самостоятельное значение – как внедрять эти принципы, сейчас времени нет. Следующий вопрос я хотел

сказать, что мировоззрение складывается, не только из принципов – ценности, миссии, ведения, стратегии. У нас все забыто про это. Ничего нет. Спасибо большое.

Бодрунов С.Д.: Спасибо большое. Уважаемые друзья, я чувствую, что господин Николаев действительно сердцем болеет за промышленность и это действительно всю жизнь... Учитывая, что сегодня прозвучали такие слова интересные. Я небольшой, буквально в двух словах буквально комментарий.

Андрей Евгеньевич: Горит сердце, да?

Бодрунов С.Д.: Да. Вы знаете уважаемые друзья, когда говорим, что наша продукция часто не удовлетворяет сегодняшним требованиям потребителя – по качеству, по другим потребительским характеристикам. Я, конечно, хочу сказать – это действительно во многом так. У нас, конечно, есть вещи которые, как говорит Рогозин, мы впереди планеты всей. Но таких вещей на самом деле все меньше и меньше. И это является следствием того, что у нас происходило все эти годы. В один момент, в один мах, как говорится, не перескочить эту ситуацию и не дать сразу качественный продукт, а работать надо. Это в авиации то же самое, не только в сельском хозяйстве, там везде. Но здесь действительно нужна продуманная государственная политика по формированию, так сказать, с новой ситуацией в промышленности вплоть до того, что если надо... Не если надо – а нужно менять стандарты.

[00:35:08]

Мы даже с моим коллегой академиком **Акрипиловым** написали недавно небольшую книжечку по этому поводу, что нам необходимо делать. А в прошлом году я книжку издал, перед вхождением России в ВТО, что нам со стандартов надо начинать, с проектирования начинать надо, надо изменять институциональную основу работы промышленности, а не только деньги давать на конкретные проекты. Это правильно, что через проекты, абсолютно правильно. Но при этом, если мы будем проектировать по старым лекалам, мы будем получать старые ложки и вилки, так сказать, вместо того, чтобы сделать кухонный комбайн. Это первое.

А второе, что касается официальной статистики, то, уважаемые друзья, я вот не так давно беседовал по телефону с коллегами из Новосибирского университета, которые уже 15 лет, можно даже сказать – 20 лет, 15 во всяком случае точно – публикуют так называемую реальную статистику. То есть, они на основе исследований своего университета, методики разные – они пытаются выверить «Росстатовскую» статистику, и в результате они говорят, что: «Если мы эту статистику сегодня показываем на белый свет, то у нас не один с копейками процент экономического роста, а минус 1,5%. То есть, на самом деле, надо другие совершенно решение принимать в экономике, если будет правильная статистика.

Так что с этой точки зрения и критерии, законодательная база не годится. Много надо переделывать в институциональной среде. Так что мы действительно сегодня готовы это обсуждать. Могу сказать, что у нас есть некоторый опыт в Петербурге такой работы, у нас много работают в этом направлении наши научные учреждения, учебные учреждения, которые занимаются наукой. Мы в Петербурге два года назад, полтора года назад каждый раз, так сказать, меняем немножко направление работы, но формируем, непрерывно так сказать работаем, мониторим концепцию развития промышленности Санкт-Петербурга.

Над этим работает большая группа ученых, специалистов, возглавляет эту группу кафедра промышленности нашего ФИНЭК бывшего, теперь Санкт-Петербургского государственного экономического университета. И я сегодня, уважаемые друзья, рад представить здесь коллегу из университета, Ирину Анатольевну Ткаченко, профессора, доктора экономических наук, которая сделаем нам сообщение, касающееся нашей сегодняшней темы. Спасибо. Просим, Ирина Анатольевна.

Ткаченко И.А.: Уважаемые коллеги, я затрону некоторые аспекты, которые связаны с реализацией элементов промышленной политики, потому что, честно говоря, меня очень задело за живое ваше выступление, предыдущего оратора, потому что под каждой фразой, как под наболевшим, готовы подписаться все промышленники, которые работают в Петербурге.

Чем мы можем тут смело поставить себе плюс при разработке нашей промышленной политики – что она идет в теснейшем сотрудничестве с представителями промышленных кругов, и мы бьемся за нашу промышленную политику уже, Сергей Дмитриевич не даст соврать, пять лет насмерть бьемся.

Бодрунов С.Д.: На всякий случай, Ирина Анатольевна, скажу, что мы приняла закон «О промышленной политике Санкт-Петербурга», нашего еще нет федерального закона – 3,5 года назад. А концепцию развития промышленности, Ирина Анатольевна возглавляла рабочую группу, принимали в момент кризиса, когда кризис был, а мы работали вперед. На 10 лет вперед писали. И все технологии, все сегодняшние 3Д-принтеры были рассмотрены и учтены.

Ткаченко И.А.: Ключевая проблема заключалась в Петербурге в том, что у нас в какой-то период руководство города решило принять курс на построение новой экономики в городе, экономики знаний и постиндустриального развития Санкт-Петербурга. Это в индустриальном городе, в котором до сих пор, несмотря на то, что 20 лет фактически не поддерживалась промышленность, с точностью до наоборот всячески из города изгонялась, промышленность является основным кормильцем, основным вкладчиком в городской бюджет. Поэтому с этой точки зрения недооценка роли промышленности, конечно, была губительна для экономики города, и хотелось бы все-таки разобраться, как у нас пытаются реализовывать инновационную политику, пытались сначала инновационную реализовывать. Потом заговорили о кластерной политике, весьма специфической. Потом заговорили о необходимости все-таки реализации промышленной политики.

Так вот, буквально пару слов о кластерах и о том, почему это все не работает. Потому что кластерная политика – о ней много говорили, потом решили, что отдельная кластерная политика не нужна, несмотря на методические рекомендации, выпущенные Министерством экономического развития, [нрзб] (00:39:53) формирований на региональном уровне политики по развитию кластеров. Потом дошли до мысли о том, что отрасли нам вообще не нужны, потому что будет новая форма организации управления промышленности – кластерная форма.

[00:40:02]

Хотя каким образом это является взаимоисключающими вещами, я, как экономист, не понимаю. Это не взаимоисключающие вещи. Но, тем не менее, когда мы начинаем разбираться с сущностью промышленных кластеров, мы выясняем, что толком никто в

этом не разобрался. Это для России типичная ситуация. Мы придумываем собственные толкования общеизвестных вещей, наполняем этим толкованием головы тех людей, с которыми мы общаемся, тексты диссертаций, и переливанием из пустого в порожнее убиваем всякий смысл любого экономического феномена.

Классическим примером выхолащивания вот сейчас является например термин «smart grid» – это «умные сети». Появился такой термин. У нас есть некоторые товарищи, не буду упоминать фамилии, которые этот термин очень любят, в принципе не понимая сущности этого термина. Когда я объяснила американским коллегам, что мы понимаем сейчас под «smart grid», они очень веселились по этому поводу. Вот с кластерами произошло примерно то же самое. Мы забыли о том, что был такой замечательный термин – промышленная кооперация. И вот этот термин «промышленная кооперация», собственно говоря, всю сущность кластерного развития полностью и описывал, и излагал. Если мы обратимся к составу и идентификационным признакам кластера, то ключевой признак – это производственно-технологическая взаимосвязь с компанией.

Что у нас творится на самом деле? В Петербурге много говорят о создании автомобильного кластера, как о примере успешного внедрения кластерной политики. По сути, собрали, создав специальные условия, инвестиционные условия, собрали большое количество автосборочных отверточных производств на локальном рынке. Это кластер? Нет, конечно. Признаки кластеризации начали появляться тогда, когда появились первые попытки локализации, и то кластер не в автомобильной промышленности, а в производствах автокомплектующих. Совершенно в другой сфере начал формироваться кластер. Это было объективно, потому что кластеры выращивать искусственно попытаться, конечно, можно, но по сути это процесс объективный, и вот это наши власти очень во многом не понимают.

Существуют определенные факторы, которые способствуют формированию кластеров. И при наличии этих факторов – будет кластерная политика, не будет кластерной политики – подобные сети, подобные образования все равно будут формироваться. Вы можете называть их кластерами, можете называть индустриальными сетями, инновационными сетями – как хотите, так и называйте. Есть масса терминов. Есть уже термины – протокластерные структуры, метакластерные структуры. Это все очень интересно с точки зрения написания диссертационных работ, но с практической точки зрения очень плохо применимо. Поэтому нужно, прежде всего, осознать, что у нас есть ключевые проблемы в функционировании нашей национальной региональной инновационной системы, и отталкиваясь от этих проблем, понимать, что нужно менять.

НИС – наша национальная инновационная система – настолько неопределенный фактор, что в исследовании, посвященном состоянию НИС, которое было осуществлено в 2009 году, никто не дал определения этого понятия. То есть, оно в принципе в этом исследовании отсутствует. Вся проблема в том, что у нас нет системы. У нас есть набор институтов и инструментов. самого главного, то есть – системных конструкций взаимосвязей и потоков, объединяющих единую систему – нет. Соответственно нет эффективного взаимодействия между бизнесом и новаторами, не развита система обратной связи, которая негативно формирует на формирование спроса на инновации, и формальное отношение к информационной составляющей инновационной структуры.

Соответственно мы 20 лет говорим про инновации, и что мы с этого имеем? Меня очень порадовала на главной странице Московского экономического форума ссылка к индексу

глобальной конкурентоспособности, потому что эти данные действительно очень показательны. Посмотрите, пожалуйста, нашу динамику не в общем индексе конкурентоспособности, а в факторном индексе. В 2009 году по инновационным факторам мы были на 73 месте, в 2010-м – на 73 месте, в 2012-м – на 97-ом, в 2014-м – на 99 месте. То есть, несмотря на то, что принципы формирования экономики знаний в инновационное развитие вливаются колоссальные денежные средства, мы не только не прогрессируем, мы теряем свои позиции по инновационной конкурентоспособности.

В чем же причина? Если мы обратимся к такому понятию, как готовность бизнеса к инновациям, то в рейтинге: качество местных поставщиков - 109 место в мире, количество местных поставщиков – 111 место в мире, уровень развития кластеров – 124-е из 148 стран. Несмотря на то, что у нас столько говорится о необходимости развития кластеров, о государственной поддержке развития кластеров, о различных методах развития кластеров и так далее, и тому подобное. Но кластеры не развиваются. Почему? Потому что отсутствуют базовые условия, при которых эти самые кластеры начинают развиваться, это раз.

[00:45:02]

А во-вторых – у нас очень большие проблемы с инновационными факторами развития. У нас инновационная емкость на среднем уровне. К сожалению, катастрофически падает качество научно-исследовательских институтов, с 42 места, на 65-е мы скатились всего за 3 года. У нас самая большая, конечно, проблема – это то, что при декларируемой заинтересованности государства в инновационной продукции, государственные закупки высокотехнологической продукции – 108 место в мире. Было хотя бы 69-е в 2010 году. Сейчас 108-е. То есть, государство декларирует интерес к инновациям, но по факту государственные закупки инновационной продукции, прежде всего, высокотехнологичной продукции российского производства, по факту они не осуществляются. По этому параметру мы с вами пребываем благополучно на ресурсной стадии развития, даже не на инвестиционной. На ресурсной, на базовой. Эта ситуация для нашей экономики фактически уже катастрофическая, критическая ситуация.

Какие выводы из этого следует сделать? В принципе, существует всего две модели формирования кластера. Это проактивная модель, когда кластер создается по инициативе самих участников, то есть, кластер создается по факту, эвристическим способом. И второй – это реактивная модель, когда для формирования кластера создали какие-то условия. Классический пример – существовали компании, которые партнеры, конкуренты. Благополучно на определенном сегменте рынка возникает внешний раздражитель, приходит иностранный конкурент. Под воздействием изменившихся обстоятельств, под резким давлением конкуренции происходит моментальная кластеризация. То есть, связи налаживаются, устанавливается взаимодействие, единым фронтом против чужака компания выступает. Вот это реактивная модель кластеризации. Это единственный способ подталкивания развития кластера.

Потому что проактивная, она реализуется сама по себе. А вот реактивная требует создания каких-то определенных условий. Если мы посмотрим на исследования, которые проводились в Европе, вот как раз та самая ситуация, когда все известно, но опыт категорически не используется. Мы посмотрим значимость различных факторов для развития кластеров, то мы увидим, что сколько бы не говорили о виртуализации экономики, лидерстве, коммуникации, конкуренции, информации – очень небольшое

значение они имеют для бурного развития кластера. Всего три базовых фактора: человеческий капитал, инновационные технологии и кооперация. То есть, мы приходим к тому же самому – к знаниям, к инновациям и к кооперации, прежде всего к промышленной кооперации. Вот основы для кластеризации экономики. Ничего другого придумать не возможно.

А следовательно нужно вот эти факторы выращивать, создавать условия для развития человеческого капитала, создавать условия для трансфера технологий и максимально поощрять кооперацию и сетевое сотрудничество. Не пытаться загонять кластеры в рамки. Катастрофа заключается в том, что при реализации кластерной политики, реализация этой самой политики приводит к тому, что потенциальный кластер превращается в акционерное общество. Потому что мучительно пытаюсь найти организационную форму, которую от него вдруг начинают требовать органы власти при предоставлении различных форм поддержки, кластер приходит к выводу, руководство кластера приходит к выводу, что единственное, что они могут сделать, это создать корпорацию.

Бодрунов С.Д.: Войти в наше законодательное поле.

Ткаченко И.А.: Да. Попасть в наше правовое поле, чтобы как-то можно было функционировать. Соответственно, у нас есть несколько кластеров в Петербурге, которые пошли по проактивному пути. Есть несколько кластеров, которые сформировались по реактивному пути. И наибольший успех показывают кластеры формирующиеся проактивно. А, следовательно, только условия. Все, спасибо.

Бодрунов С.Д.: Спасибо большое. Вопросы. Представляйтесь коллеги, ладно.

Георгий, Саратов: А почему вы игнорируете первый фактор, который [нрзб] (00:49:02) дает кластеру – спрос? У нас понимаете получается – мы снизу толкаем, а не тянем. Нет спроса на инновации. Какой смысл...

Ткаченко И.А.: Вот я об этом как раз и говорю.

Георгий, Саратов: Вопрос такой: почему вы, когда называли факторы, не назвали фактор спроса?

Андрей Евгеньевич: Ну по крайней мере вы не возражаете.

Ткаченко И.А.: Я согласна полностью. Поэтому, когда я говорила о факторах инновационного развития – первое, что мы говорили: об отсутствии спроса на инновации.

Андрей Евгеньевич: Не инновационных, никаких, неважно. Нет спроса на лопаты, не будут лопаты производить.

Ткаченко И.А.: И государство этот спрос не формирует. У нас нет закупок, нет заказов на инновационную продукцию. Я с этим полностью согласна.

Бодрунов С.Д.: Сергей Николаевич, пожалуйста.

Сергей Николаевич: Вы называете слово «политика» – что вы понимаете под политикой? Потому что, что вот сейчас делает политика [нрзб].

[00:50:00]

Термин не скажу, а что вы понимаете под политикой?

Ткаченко И.А.: Под политикой понимаем мы, на уровне Петербурга, понимаем некий набор правил. Достаточно широкое понятие общее. Потому что если мы будем сразу их переводить в политику на уровень программы, политикой ее считать нельзя. Политика должна задать направление и определить условие принципов формирования развития в дальнейшем отрасли, задать некое направление.

Сергей Николаевич: По выбору действий и...

Ткаченко И.А.: Да, конечно.

Андрей Евгеньевич: Еще вопросы? У нас круглый стол.

Сергей Николаевич: Тогда об организационной форме. Как вы ставите... У вас политика, какую-то цель решаете? И она должна включать, конечно, как реализовывать.

Ткаченко И.А.: Конечно. Мы говорим о механизме реализации. Ключевым механизмом мы видим государственно-частное партнерство, но, к сожалению, мы пока не пришли к взаимопониманию. Что касается конкретной реализации: мы предполагали, что у нас будут созданы конкретные программы насыщенные проектами. И проектная база формируется...

Сергей Николаевич: Проектный подход?

Ткаченко И.А.: Да, конечно, проектный подход.

Бодрунов С.Д.: Предложение концепции развития в промышленности.

Ткаченко И.А.: Да. Мы сейчас собираем проекты и обобщаем.

Сергей Николаевич: Вы сказали, что вы [нрзб] (00:51:15).

Ткаченко И.А.: Нет. Вот знаете, такого мы не рассматривали вопроса, потому что по тем кластерам, которые мы обследовали на уровне Петербурга, я с Петербургом преимущественно работаю – у нас кластеры идут по двум путям: это ассоциация предприятий некая, либо создание совместного предприятия, либо появление какого-то формализованного участника, который выполняет функцию управляющей компании по сути. То есть, формируется холдинговая структура.

Бодрунов С.Д.: Еще вопросы, коллеги, нет? Спасибо большое, Ирина Анатольевна.

Ткаченко И.А.: Спасибо.

Бодрунов С.Д.: Я думаю, что доклад очень интересный, заинтересовал коллег. Если позволите, я два слова буквально комментария по некоторым позициям доклада. Я полностью соглашаюсь с уважаемой коллегой, Ириной Анатольевной, что у нас те проблемы, которые есть в формировании кластеров, да вообще в других элементах промышленной политики имеют место быть, и действительно связаны они с тем, что у нас плохая институциональная база. Но я думаю, уважаемые друзья, что на самом деле база глубже институциональная плохая, неправильная, не только в этих конкретных направлениях. Это, на мой взгляд, больше следствие того, что у нас вся институциональная база не годится для инновационного развития России.

И вы знаете, когда я говорю о необходимости модернизации нашей промышленности, о переходе к реиндустриализации, политике реиндустриализации. Я вчера в своем докладе так сказал и мы с Сергеем Юрьевичем Глазьевым еще раз обсуждали в кулуарах. Это нужно делать в рамках общей модернизации России. Ирина Анатольевна, она присутствовала на моей публичной лекции в Санкт-Петербурге в ФИНЭК полтора года назад, у них есть прекрасная форма общения от студента до аспиранта и профессора, вместе всех – это публичные лекции, которые университет продолжает, как традицию еще с царских времен. Так вот я, как заезжий в то время профессор, давал большую публичную лекцию на два часа. Как раз тогда мы говорили о чем? О том, что необходима модернизация России в целом. Всех институтов, которые сегодня не позволяют нам ни в промышленности, ни в экономике в целом принимать какие-то нормальные решения. Если мы не изменим в этом ситуацию, мы будем все время наткаться на эти колдобины. Вы знаете, как в свое время Ленин говорил.

Сергей Николаевич: То, что вы говорите, это призыв, а как вы предлагаете...

Бодрунов С.Д.: Вы знаете, предлагать можно по-разному. Это можно долго обсуждать, потому что на самом деле... Я могу сказать, как раз хотел закончить эту фразу, если говорить дальше, то вот несколько томов книг, красных, моих коллег и моих книг – там такие позиции, разные позиции раскрываются. С одной точки зрения, с другой, третьей и так далее. Если говорить о необходимости модернизации России, то, господа, в 2003 году я выступал на общем заседании Президиума [нрзб] наук РАН и Совета безопасности, и говорили об экономической безопасности России. Говорили о необходимости модернизации того, сего, пятого, десятого. Леонид Иванович Абалкин был оппонентом этого доклада. Но он сказал: «Я все равно поддерживаю, хоть и оппонент». И тем не менее, вот за 10 лет, с того времени, ничего практически не изменилось. Как мы двигались по той концепции формирования экономических решений, которая существует сегодня и тогда была, так она и сегодня существует.

[00:55:02]

Надо многие вещи менять. Об этом мы пишем в наших книгах. У нас есть журнал по этому поводу «Институт индустриального развития», но у нас есть с коллегами другие журналы. Просим давать сюда материалы, убедительно даже настаиваем на этом. Потому что если мы не будем говорить свое слово, слово ученых – никогда это слово не будет произнесено чиновниками. Один момент очень важный, вот вчера Евгений Максимович Примаков, и ранее в своих выступлениях, он сказал об этих институтах, о необходимости модернизации страны. Он, правда, говорил это не очень акцентировано, но мы должны слушать это, это очень известный человек.

И еще один момент по вливаниям. Вот Ирина Анатольевна сказала, и я поддерживаю: у нас действительно резко возросли вливания в науку. Конечно, это свидетельствует о том, что на самом верху начинают понимать, что это надо делать. В науку, причем, прикладную, очень много средств идет. Но господа, как у нас вследствие наших институтов, как реализуется на практике. Я не буду называть сейчас компании, предприятия, но скажу, это мой, можно сказать, личный опыт. Я так сказать глазом своим посмотрел.

Министерство образования создает постановление правительства №298, по которому предприятие, если оно хочет получить госинвестиции обязуется, акционерное общество,

дать 50% в проект. Проект заключается в том, что есть инновационное некое решение, предлагаемое неким институтом. Деньги выделяются предприятию от государства. Оно 100% эти деньги направляет в институт. Институт разрабатывает технологию, а предприятию на свои 50% нужно модернизировать производство: купить станки, оборудование, подготовиться, создать инфраструктуру и запустить продукт. После этого подписываются акты, что все деньги предприятие не возвращает в бюджет. Иначе предприятие, а не институт возвращает в бюджет. После этого вызывают директора и говорят: «Вот тебе институт, этот институт конкретно и никуда больше». Понятно, да? Дальше. Директор говорит: «Господа, я же за все отвечаю», а действительно он ни за что не отвечает. «Это не твой вопрос. Мы там сами с институтом разберемся, деньги пойдут куда надо». После этого директор говорит: «Я не буду подписывать». Ему предлагают из института: «Мы тебе там что-то решим, в процентах вот таких» – ну и так далее. А тот документ, который под названием там документация, КД, технология и так далее – он уже разработан нами лет 5-7 назад. «Это же инновации. – Какие тебе инновации? Ты с ума сошел? Какие инновации? У нас вот все готово».

Вот как работает эта программа. Я об этом говорил в прошлом году на инновационном форуме России. Было два человека из Минобразования. Один из них сказал: «Я один из авторов этой программы. Неужели она так работает?»

Сергей Николаевич: Другая причина. Я с директором института [нрзб] (00:57:57). У нас тогда не очень качественно работали, сейчас еще хуже. Это низкое качество. Надо менять подходы. И вузы сейчас не качественно работают, и НИИ. Туда деньги выделяют...

Бодрунов С.Д.: Сергей Николаевич, об этом я и говорю.

Сергей Николаевич: Пустое дело.

Бодрунов С.Д.: Да. Если бы еще, понимаете, если бы еще хотя добросовестно работали. Сегодня система наша... Почему пошли вливания в науку, такие вливания? Потому что появилась коррупционная составляющая. Появился интерес туда деньги вкидать таким путем. Ничего не решается. Вот это проблема. И наконец госзакупки. Практически через проекты, потому что для любого предприятия дать свою продукцию, его проект. А если мы идем на государственный тендер, у нас выставляют такие требования, по которым мы никак пройти не можем, даже если у нас качество продукции, допустим, удовлетворяющее потребителя. Может быть, оно не совсем соответствует тому, что надо, но ведь мы должны понимать, государственная политика должна быть. У нас нет этого. Нет подхода и в результате то, что Ирина Анатольевна говорит – цифры очень важны.

Сергей Николаевич: Я читал ваш доклад, у вас в замечаниях написана интересная вещь [нрзб] (00:59:18). Что он предлагал? Создать, выделить миллиард рублей и создать [нрзб]

Бодрунов С.Д.: Совершенно верно.

Сергей Николаевич: [нрзб]

Бодрунов С.Д.: Совершенно верно.

Сергей Николаевич: [нрзб] Наши ничего не знают, ни НИИ не знают и ничего. [нрзб]

Бодрунов С.Д.: Вы знаете, я могу сказать, что в Америке вот такой подход работать будет, потому что там другая институциональная среда.

[01:00:04]

У нас это работать не будет. Поэтому у нас, когда мы на нашу почву перетаскиваем разнообразные американские и прочие вещи, идет модернизация нашей в целом институциональной среды – работает все плохо.

Ну, уважаемые коллеги, мы можем долго по этому поводу дискутировать. Ирина Анатольевна, спасибо за ваше выступление, за то, что вы смогли приехать к нам сюда. И, уважаемые друзья, у нас есть очень хороший интересный доклад – Малашенко Валерий Петрович, из Старого Оскола Белгородской области. Валерий Петрович, прошу вас. И, уважаемые друзья, Андрей Евгеньевич сейчас выскочил на минутку...

Малашенко В.П.: Уважаемые коллеги, мне кажется, в продолжение вопроса, который задал товарищ из Самары, я бы хотел сказать о спросе на инновации. [нрзб] (01:01:26) как фактор к росту производительности труда. Рост производительности труда, спрос на инновации, рост производительности труда, но это в основе лежит налоговая политика, которая должна формировать наше отношение к производству.

Все вы знаете, что производительность труда это показатель, который объединяет практически все, что делается на производстве. В принципе, он объединяет, даже в целом по стране если мы смотрим, он объединяет эффективность управления страной. Там все – все ресурсы, все, что есть в стране хорошего, выражается, можно выразить относительно через производительность труда. У меня это как раз здесь записано. По данным «Росстата», Мирового банка производительность труда в семи отраслях российской экономики ниже, чем в развитых странах и ряда стран бывшего СССР. Как видите, средняя производительность в 2,83 раза, сельское хозяйство – 4,25, добыча, энергетика – 3,14 и так далее. Об этом можно даже сильно не говорить, все это понимают и знают.

Надо сказать, что правительство, наша власть, В.В. Путин в последнее время особенно обращает внимание и призывает нас к тому, чтобы мы занимались ростом производительности труда. Я провел анализ всех его выступлений, начиная с 2000 года, я нашел 12 таких выступлений, может, их больше было, но я нашел 12, начиная с 2002 года. А самые последние выступления – это где-то 2008, 2010, 2012-2013 годы. Вот здесь основное направление. Все призывы совершенно правильные, все его выступления, разговоры... Последнее, к чему он призвал: к 2020 году, за 10 лет повысить производительность труда в два раза.

Андрей Евгеньевич: Это не последнее. Это с 2003 года.

Малашенко В.П.: Но вопрос в том, что нигде ни одно его выступление практически не реализовывалось за последние 14 лет, 13 с лишним лет. Вот наша цель – вдвое увеличить производительность труда. С 1990 по 2009 год по статистике, где я взял эти цифры – у нас сократилось производство всей техники в десятки раз. В десятки раз наша машиностроительная отрасль, которая производила эту технику, некачественную технику, но она производила, она пользовалась. Я могу сказать, что я 23 года проработал в горной промышленности, на подземных работах, прошел уровень до главного инженера, всегда интересовался производительностью труда, в последние особенно годы. И скажу, что у нас производительность труда и в советское время была низкая, а сегодня она вопиюще отстает от многих стран.

Я как горняк скажу, вот сегодня у меня два аспиранта защищались по горным работам, скажу, что делали анализ воспроизводства основных фондов производительности труда – экскаваторного парка, буровых станков, обогатительного оборудования.

[01:05:04]

Значит, все это оборудование, практически все на наших комбинатах, в Лебединском ГОКе и Столинском ГОКе полностью самортизировано, за 90% амортизации. Некоторые виды техники больше 20 лет, 30 лет работают на производстве. Естественно, какая из них производительность труда? И, как видите, экскаваторы, вы знаете, «Уралмаш» производил – в 12 раз упали.

Сегодня единичная техника появляется, японская, других производителей, гидравлические которые, высокопроизводительные. Но они не могут в наших условиях работать, потому что не те условия, не те площадки, не то развитие горных работ и так далее. Это действительно требует большой такой перестройки.

Ну вот коэффициент обновления [нрзб] (01:06:03) на наших предприятиях – если в целом взять, то за последние годы на 5,7% увеличился износ основных фондов. Чем можно заниматься вообще в направлении роста производительности труда? Мы знаем о том, что основное направление – это, конечно, модернизация оборудования, это расширенное воспроизводство основных фондов. Второе направление – мотивация персонала и организационные вопросы. В данном случае, если рассматривать все эти три направления – у нас сегодня амортизационная политика не выдерживает никакой критики.

Я помню, первый раз я заинтересовался амортизацией в 1988 году, в советское время. Я обратил внимание, что вся амортизация предприятия нашего, в частности, горного предприятия компилировалась, забиралась и отправлялась в Москву, в «Союзруду», где «Союзруда» распределяла потом по всем предприятиям. Особенно больше внимание уделялось, допустим, строящимся в то время Лебединскому ГОКу, куда вся эта масса через основные фонды, через экскаваторы, станки направлялась.

Мы критиковали эту, у меня диссертация была кандидатская на критике этого состояния. Но ничего не изменилось, даже стало еще хуже. Если мы посмотрим, как трактует «Большая Советская энциклопедия» амортизацию: «При социализме обеспечивает возмещение стоимости выбывающих основных фондов». Отработал, на каждой тонне продукции рубль положил, отправил, в себестоимость вошел, налоговую базу снизил – и нет этих денег, никто их не видит. Это в 1963 году в энциклопедии написано было. «В условиях капиталистического производства амортизационный фонд предназначается для восстановления основного капитала». Не зря эти господа-капиталисты именно такую форму выбрали. Они формируют амортизационный фонд, они этот фонд имеют, они его целенаправленно направляют на развитие производства, на простое, конечно, должно хватать. Но при добавке определенных и так далее, можно и расширенное воспроизводство делать.

Наш Налоговый кодекс в этом направлении ужасающий. Надо сказать, что с введением его в 2002 году практически остановилась переоценка основных фондов. Сегодня, если мы посмотрим стоимость основных фондов – это копейки. Вот это самортизированное оборудование стоит, естественно, ноль. Которое самортизировано на 70% – он чуть-чуть стоит. И цены там 2002 года. до 2002 года три раза была переоценка, но потом все прекратилось. Потому что у нас Налоговый кодекс трактует так: переоценку сделали,

пожалуйста, очень хорошо, а налоговую базу не уменьшают. Амортизация не фигурирует в этом деле.

Я считаю, что много еще факторов есть, которые... Допустим, такой факт: если берет кредит предприятие, обычно обосновывает развитием производства, но наше предприятие, допустим, **Восточный (01:09:37)** металлургический комбинат, известный, наверное, вам Лебединский ГОК, который входит в УК «Металлинвест» – набрали столько кредитов... И только 10%, даже меньше процентов они использовали на какую-то модернизацию. Все остальные ушли, но проценты за кредит по уровню ставки рефинансирования им государство возмещает.

[01:10:00]

Закон такой. Вот пункт 8 статьи 270, 269 статья кодекса регламентирует это. Сделали мы ремонт, сделали какую-то модернизацию – все, но не более 10% до 30% мы можем внести в амортизационный фонд, увеличить стоимость на эту сумму. Выводы: на исследуемых предприятиях не производилась переоценка, системность отсутствует, и так далее. Еще очень важно: наша система оплаты труда.

Я помню, когда еще работал мастером в шахте, я скажу, что было у меня 156 рацпредложений, и за эти рацпредложения я получал копейки: 30 рублей, может 40 рублей.

Андрей Евгеньевич: При средней заработной плате какой?

Малашенко В.П.: Средняя заработная плата была – 360 рублей, где-то чуть больше, может, у нас на шахте была. Но факт тот, что...

Андрей Евгеньевич: А в стране средняя была 150.

Малашенко В.П.: ...Если, допустим, я сократил одного человека, а затраты у меня – допустим, человек получает 400 рублей, 5000 за год, а затраты у меня 10 тысяч. Мне говорят: «Неэффективно, не надо делать это рацпредложение. – Да как же? – Это же неэффективно. – Два года будет окупаться». И еще затраты и так далее, было все это. Но сегодня у нас парадокс такой: 3 миллиарда рублей тратим, 500 человек сокращаем, именно убираем, рост производительности труда в два раза, 20 лет окупаемость. Ну так посчитайте: 150 миллионов в год...

Закругляюсь, хотя здесь еще тема по зарплате. Вот именно я хотел сказать, что наша зарплата не дает возможности стимулировать воспроизводство основных фондов. Я, собственно говоря, здесь дал предложение, там у меня написано: как изменить надо Налоговый кодекс, каким образом его сегодня построить, чтобы у нас было эффективное налоговое отношение, которое стимулировало собственников к расширенному воспроизводству основных фондов. Я думаю, что эти статьи, я их прорабатывал с бухгалтерами на предприятиях, которые хорошо знают, как работать с Налоговым кодексом, с 25 главой, налогом на прибыль. И прорабатывал сам вот так мысленно, шлифовал, где-то недоработки есть.

Но если эти статьи сегодня применить, то у нас появится амортизационный фонд на предприятии, в достаточном количестве, который и будет, самое главное – будет очень невыгодно собственнику использовать самортизированное оборудование. Вот это цель моей работы.

Андрей Евгеньевич: Спасибо.

Малашенко В.П.: Пожалуйста.

Андрей Евгеньевич: Вопросы есть? Пожалуйста. Короткий вопрос, короткий ответ, да?

«Эксперт (01:13:14)»: Компания «Эксперт [нрзб]», у меня вопрос следующий. Закон обратной силы не имеет. Вы упомянули сами, что до 90% амортизированы основные фонды. Закон изменится, все хорошо, а что делать предприятиям? У них же уже амортизировано это имущество. Откуда им брать деньги на новые фонды?

Малашенко В.П.: Знаете, сегодня цифры такие: Лебединский ГОК добывает порядка 48 миллионов тонн руды сырой, дает 160 миллиардов где-то, у него выход. Вот он взял где-то 200 миллиардов рублей кредита. Использовал 20 миллиардов на какие-то дела внутри, 180 ушли куда-то на сторону. Эти деньги где-то есть у них. Вопрос в том, что действительно переход какой-то должен быть, но самое главное здесь – провести на сегодняшний день переоценку основных фондов, если даже это амортизировано... У меня есть предложения: что делать с тем, которое полностью амортизировано. Его надо ставить на учет по первоначальной стоимости. И чтобы они платили амортизацию в полном объеме с самого начала. Сумма в амортизационный фонд этот идет. Налогооблагаемая база будет снижаться. Мы преференции дадим предприятию. Но они должны понимать, что этот как бы сказать – амортизационный фонд, который они будут, они из чистой прибыли платят туда, не из доходов текущих.

[01:14:57]

Чистая прибыль, которая сегодня, я вам скажу, открою секрет – почти 100%, с 2007 года все предприятия тратят на дивиденды, больше ни на что. 80-90%, а в основном 100%. Почему с 2007 года? В 2007 году после принятия закона в 2004 году о собственности, об изменении в акционерных обществах у нас нет сегодня простых акционеров на предприятиях. У нас все монополизировали, акционерами стали... Вот на «Металлинвест» трое, там двое, там один. Они все, у кого было – собрали 90%, и у остальных 10% они по закону могут изъять.

Андрей Евгеньевич: А 95% вообще автоматически.

Малашенко В.П.: Да, все продали по цене, которой какой-то расчетник сделал.

Андрей Евгеньевич: К вопросу об эффективных собственниках.

«Эксперт [нрзб]»: А, может быть, в таком случае [нрзб] (01:16:02), тогда предприятиям будет выгодно не выплачивать 100%...

Малашенко В.П.: Я не думаю, что это будет эффективнее. Потому что, в принципе, они почувствуют это сразу, когда у них меньше будет прибыль. Я хочу закончить своим этим лозунгом: новая индустриализация и расширенное воспроизводство основных фондов... Вернее, новая индустриализация через расширенное воспроизводство основных фондов, строительство социального жилья (там у меня вот написано) и оптимизацию оплаты труда. Сегодня оптимизацию оплаты труда я считаю – нужно нам возрождать профсоюзы. Других способов, чтобы сказать: «Ты получаешь 10 тысяч долларов, ты – 20 тысяч, а тебе – 200 рублей хватит». Люди сами добьются, если сделать нормальные действенные

профсоюзы, они сами добьются себе оптимальной заработной платы. Как в Германии. В Германии самые, мне кажется, сегодня мощные профсоюзы.

Андрей Евгеньевич: Производственные советы, да?

Малашенко В.П.: Через производственные советы, вхождение в совет директоров.

Бодрумов С.Д.: Да, кстати, я хотел сказать, что в Германии, в Хорватии, например, в Евросоюзе во многих странах – там в обязательном порядке по закону от трудового, условно скажем, коллектива или совета коллектива есть член, имеющий право вето на решения любого контролирующего органа.

Андрей Евгеньевич: Начальники говорят, хотят, чтобы у них были профсоюзы.

Андрей Евгеньевич: Нет, не в этом дело – хочет кто-то или нет, а в том, что такое должно быть, если мы хотим, чтобы учитывалось не только мнение вот этого контролирующего акционера, так скажем, но и мнение других акционеров, мнение участников производственного процесса. Я бы не против был бы, даже есть крупная системообразующая компания, например, для города, для территории, для страны – у нас есть стратегические предприятия, например для страны. Почему бы в этом случае, не только «золотая акция» по стратегическому предприятию у правительства, а почему бы для города не иметь места в совете директоров?

Пусть это будет не вето, но пусть это будет хотя бы голос, правильно? Вот это, я думаю, вовлечение общественности в формирование этой новой индустриальной среды для развития, так сказать, промышленности. Потому что в этом случае голос будет гораздо мощнее и сильнее слышен. В том числе, и в Минфине.

Малашенко В.П.: Сегодня наши города, в том числе и Самара может подтвердить...

Андрей Евгеньевич: Саратов. В Самаре я был недавно.

Малашенко В.П.: Я говорю: наши города сегодня вообще отчуждены от этой собственности, от этого производства. Ни капли налогов оттуда к нам не попадает. Миллиарды рублей... Человек в Москве зарегистрирован, или на Кипре зарегистрирован и так далее. «Металлинвест» – Кипр, сейчас говорит – в Москве уже. Но налогов у нас ноль.

Сергей Николаевич: Я понял, вы говорите, что надо максимально использовать, полностью, чтобы как можно меньше был срок службы.

Малашенко В.П.: Нет, про срок службы – тут индивидуально надо работать.

Сергей Николаевич: С амортизацией как сейчас в мире складывается политика, чтобы был спрос на продукцию? Сейчас, как правило, 4-5 лет срок, полностью амортизируют, продают ее по остаточной стоимости, [нрзб] (01:19:43), например, это 40% от новой, капитально ремонтируют и опять пускают. Я сам видел...

Малашенко В.П.: Замечательная идея, да.

Сергей Николаевич: Без этого у нас не будет тоже...

Бодрумов С.Д.: Конечно, если у нас амортизация заложена 10 лет, то что можно говорить? Это уже устарела морально, технически и производственно, во всех отношениях.

[01:20:00]

Сергей Николаевич: А какой признак качества машины? Это стоимость при перепродаже. И это главный показатель. Если к этому мы не придем...

Бодрумов С.Д.: Но при этом эту стоимость еще оценивает кто-то со стороны, налоговый инспектор.

Сергей Николаевич: А как же? Даже дилеры у нас в России – они берут сами, 4-5 лет вы им отдаете, а они даже вам вычитают даже 40-50, а 50% покупают. Делают капремонт и продают 60-70%. Я видел пять сроков капремонта прошли, пять раз. В Штатах на аукционе видел, трактора такие продаются. Их берут на вспомогательные работы.

Малашенко В.П.: Я с вами совершенно согласен. Но я скажу, что у нас сегодня ремонтная база, в принципе, есть неплохая, но ремонтируют на коленке. В карьере под открытым небом заменяют 2-3 детали, которые наиболее... И поехали дальше.

Сергей Николаевич: Если производители услуги не делают по сервису, поэтому у нас вот так. Так мы тоже не выйдем. Если в Штатах сервис колоссально развит, а наши русские заводы...

Бодрумов С.Д.: Российские.

Сергей Николаевич: Вот я даже тут хотел взять, если бы я выступал – вот «Россельмаш», у него даже на сайте такие показатели ремонтпригодности, ужасные.

Бодрумов С.Д.: Практически ничего нет ремонтпригодности.

Андрей Евгеньевич: Спасибо большое. Я еще такую организационную реплику хочу сказать. Значит так, уважаемые коллеги, во-первых, те, кто не успеет сейчас выступить – мы продолжаем работать после перерыва, в том же режиме, режим круглого стола, конференции – не суть важно, как называется. Так что, во-первых, за это не переживайте. И во-вторых: я очень прошу выступающих коллег, которые уже выступили, которые будут выступать, которые по каким-то причинам не смогут, не выступят по каким-то причинам – я прошу: все ваши выступления... Во-первых, мы будем готовить сборник материалов конференции. Во-вторых, наш институт, это точно, один номер своего журнала [нрзб] (01:22:28) института экономики и [нрзб] – оба журнала ВАКовские, преподаватели понимают, о чем я говорю, представители научного мира.

Я очень прошу – найти время, оформить свои выступления в двух ипостасях. Причем, одну ипостась – это по желанию, в виде статьи, размером до 0,7-0,8 печатного листа. Напомню, печатный лист – 40 тысяч знаков. Это раз. И все эти материалы прислать на простой адрес ds@inecon.ru. Вот это по желанию. Кроме этого я прошу те практические предложения, которые вы делали, отдельно приложить к этой статье. Если это группируется предложение, скажем, вот предложение по амортизации, по налогам – сгруппируйте, коротко и ясно. Мы используем все наши возможности...

Вот, скажем, то, что сейчас в конце прозвучало – о роли тех, кто работает на предприятии, производственные советы... Я хочу сказать, наверное, многие слышали о недавней встрече президента страны с группой ученых Академии наук, экономической нашей секции, которые подготовили доклад об экономической политике.

[01:24:51]

К удивлению всех участников этой встречи, действительно, к удивлению, там было сказано одним из участников этой встречи, Юрием Борисовичем **Клеймером**, было сказано о том, о чем вы сказали: о производственных советах, германских, что мы плохо знаем, что происходит непосредственно на предприятиях, там вот люди, которые...

[01:25:12]

Президент этим отдельно заинтересовался, и записал себе, и сказал: «Слушайте это вообще очень интересно». Тем более, президент в Германии работал, немножко знает Германию. Так что вот все практически материалы – мы потом их сведем тоже, и будем использовать наши возможности, класть их на стол как законодательной, так и исполнительной власти, вплоть до самого высокого уровня. Определенные возможности есть. Но чтобы по крайней мере... Мы же, как говорится, люди науки, преподавания, мы ж на Майдан не пойдем с этими лозунгами, это не наша функция. Наша функция – собрать предложения и положить на стол. По крайней мере, мы сможем сказать: «Мы сделали, что смогли».

Вот это очень важно, поэтому я вас прошу – вот это: статья – пожелание. А это – просто просьба, чтобы это был не только здесь крик души. А дальше будем работать. Я думаю, что в остальных секциях это будут делать тоже. Продолжаем нашу работу. Вот видите, мы представителей естественных наук решили выставить вперед. Дроздов Борис Викторович, доктор технических наук, Научно-исследовательский институт инженеров транспорта, правильно?

Дроздов Б.В.: Информационных технологий.

Андрей Евгеньевич: А, информационных технологий... Видите, потому что я с РАО «РЖД» много работаю, поэтому я все на транспорте.

Дроздов Б.В.: Так, уважаемые коллеги, я хотел поделиться с вами своими представлениями о перспективных направлениях новой индустриализации России. Вот этой новой индустриализации, я считаю, применение высокоэффективных, высокопроизводительных технологий на базе высокого профессионализма, специализации и кооперирования, этой индустриализации альтернативы нет. Альтернатива есть – только деградация и разрушение и дифференциация. Это автономизация, установка на самообеспечение, это архаизация.

Я хочу показать вам примеры нашей деградации, в частности, в городе Москве. Вот это производство средств автоматизации, фактически ноль, до 2004 года. А дальше еще хуже – там просто ноль. То есть, Москва, вместо того, как она раньше была, крупнейший в Союзе промышленный, научный и культурный центр – уже теперь перестала быть промышленным центром. Насчет научного центра и культурного центра – под большим вопросом.

Я считаю, что основное направление индустриализации должно представлять из себя создание четырех видов индустрий. Первое – это индустрия промышленного производства, которая у нас, вроде бы была создана в 20-30-е годы, потом как бы почти исчезла куда-то, или сохранились какие-то элементы. Но эта индустрия существует для того, чтобы создавать индустрию жизнеобеспечения, она нам просто для России жизненно необходима. Только индустриальные способы жизнеобеспечения делают эффективным воспроизводство жизни в России и, соответственно, естественно, промышленное производство. Но индустрия жизнеобеспечения, индустрия производства – оно изнашивается, поэтому нужно его ремонтировать, усовершенствовать, модернизировать.

[01:29:58]

Это можно делать кустарным способом, предположим, принимая и приглашая гастарбайтеров из Западной Украины, они там будут это делать, а можно индустриальным способом. Есть новая, перспективная, современная индустрия ремонта и модернизации. Но индустрия модернизации, индустрия ремонта и жизнеобеспечения, они должны проектироваться. Если не проектировать вот эти работы по ремонту – то будет происходить то, что у нас, например. Решили построить, предположим, рекламный щит, начали вбивать сваи, а оказалось там внутри тоннель метрополитена. Причем через некоторое время, опять на той же линии в тоннель метрополитена – это как вообще? Кто проектировал эту работу? Значит ее просто не проектировали. Не говоря о том, чтоб этот процесс проектирования был сделан на высокопрофессиональном уровне.

Что такое индустрия жизнеобеспечения? Я только основные элементы покажу. В первую очередь, это жилищно-коммунальное хозяйство, всем известно в каком состоянии оно находится; бытовое коммунальное обслуживание; это здравоохранение, это тоже индустрия, индустрия здоровья. Эту индустрию можно делать примитивно, а можно делать на индустриальной основе. Индустрия воспитания: можно делать малогабаритные, маломестные какие-то частные институты, а можно делать крупный индустриальный университетский центр, это индустриальный способ обучения. Дальше – энерготеплоснабжение, водоснабжение, строительство и ремонт, транспорт и связь. Я хотел дальше продемонстрировать вам элементы индустриализации в основных звеньях или системах жизнеобеспечения.

Ну, вот, например, с правой стороны, я показываю перспективный индустриальный метод развития этих систем. А с левой стороны – это деградация. Ну, вот, в частности, электроснабжение, электроэнергетика: я считаю, что перспективным направлением электроэнергетики – это создание крупных тепловых электростанций, атомных электростанций на новых принципах. Может, на быстрых нейтронах, на гидростанциях мощных, включенных в единую энергосистему. Сейчас происходит бурный рост угольной генерации. Это во всем мире идет рост угольной генерации, там есть новые чистые угольные технологии, о которых мы вообще не то, что не знаем, мы их вообще не видели, но они есть, эти чистые угольные технологии.

Дальше, коммунальное хозяйство: можно делать, каждый хозяин делает артезианскую скважину и роет колодец, потом выгребную яму, а можно делать единой коммунальной системой водоснабжения и водоотведения. Вот, крупные станции аэрации могут довести очистку воды до питьевого качества, по 50 параметрам, как в Японии, мерить сточные воды после очистки. Дальше, транспорт: вот есть перспективные направления развития

транспортной системы. Это применительно к магистральному транспорту, предположим высокоскоростные железнодорожные магистрали – это струнный транспорт. У нас в России сейчас реально нет ни одной высокоскоростной магистрали. «Сапсан» – это не высокоскоростная магистраль, как это понимается в мире. Никто по тем путям, по которым идут грузовое сообщение, пассажирское и пригородное – высокоскоростной поезд не пускает. Это у нас только проектировали в начале 90-х годов эту новую высокоскоростную магистраль Москва - Санкт-Петербург, землеотвод сделали и уже начали проектировать свой собственный подвижной состав, оборонка пыталась сделать – «Сокол». Потом у нас, значит, эти депутаты начали делать дикий визг, что у нас экология нарушится. Примерно так же, как 100 лет назад, когда строили вот эту железнодорожную линию Москва - Санкт-Петербург, то все прежние «зеленые» начали устраивать демонстрации, что когда пойдет огнедышащая машина между Москвой и Санкт-Петербургом, то куры перестанут нестись и коровы перестанут давать молока. Понимаете?

Андрей Евгеньевич: Они сегодня перестали нестись и давать молоко, но только по другим причинам.

Дроздов Б.В.: Но когда проектировали эту скоростную магистраль, ведь уже начали строить вокзал в Питере, в Москве уже место отвели. Решили по тем путям, причем давайте не «Сокол» пустим, потому что это наша оборонка, а давайте создадим новые рабочие места в Германии и у фирмы «Сименс» закажем «Сапсан». Это вот называется наша квази-индустриализация. Теперь городской транспорт.

[01:34:59]

Смотрите: крупный, современный город и индивидуальные автомобили – это безумие, это самый неэффективный способ решения транспортной проблемы внутри города. Соответственно, затраты на это перемещение энергетические, затраты материальные – гигантские, по сравнению с массовым транспортом. Ведь настоящий транспорт эффективный, индустриальный – он больше ездит, а не стоит. А индивидуальный автомобиль для города – он больше стоит, чем ездит, это предельно неэффективный метод решения транспортной проблемы. Наша система метрополитена была московская, в Москве работала и для Москвы. Она, значит, представляет радиально-кольцевую структуру. Это неполная индустриализация.

В последнем генеральном плане Москвы, кто его помнит или читал – там предусматривался новый вид метрополитена, высокоскоростной метрополитен глубокого заложения, хордовые магистрали, вылетные до каждого аэропорта. Так же, как в крупных городах Западной Европы, возьмите Париж, возьмите Лондон. В «Хитроу» можно, в аэропорту сесть в метро и сразу же в центр города. Это индустриализация. А вот эти коробочки, которые ездят по Москве, в которых можно сидеть часами – это не индустриализация, я считаю, что это де-индустриализация, это архаизация.

Ну, и например, жилищное хозяйство. Вот де-индустриализация, я считаю – это установка на индивидуальные дома и самообеспечение. Индустриализация – это высотные дома со скоростными лифтами, вот как в Монреале: крупные небоскребы совмещены со станциями метро. Там люди месяцами живут в городе, они на улицу не выходят. И здорово: на лифте, в метро. Это индустриальный способ жизнеобеспечения.

Дальше, я хотел бы сказать, что способ индустриализации он еще сказывается на методе жизнеустройства. Вы знаете, что сейчас Организация Объединенных Наций провозгласила XXI век веком урбанизации. Это генеральное направление систем жизнеустройства, жизнеобеспечения. Настоящий город, индустриальный – это город с массовым транспортом, это город компактный, это город, у которого комплексная система градообразующей базы, где производство, учеба, наука, отдых. Город, в котором нет сферы промышленного производства, город офисного планктона – это город-химера, этот город неестественный, такой город вырождается.

Я на этом закончил. Я просто хочу сказать, что основное перспективное направление развитие цивилизации – это не постиндустриализм, а это супер-индустриализм. А после этой супер-индустриализации прослеживается другой способ – это гипер-индустриализация, альтернатив этому нет. Спасибо большое.

Андрей Евгеньевич: Спасибо. Спасибо большое.

Андрей Евгеньевич: Да. Проблема со скоростными дорогами, вы правильно сказали, я говорю – с НПС работаю. Вы понимаете, в чем дело? Как объясняют коллеги из НПС, в правительстве надо доказывать необходимость строительства высокоскоростных магистралей. Я задал, правда, вопрос: «Ну, так вы назовите фамилии, кому это надо?» Рукой махнули, не ответили. Но доказывали.

Дроздов Б.В.: Я им вопрос задал: когда перроны будут в провинции нормальные?

Андрей Евгеньевич: Когда они будут, наконец-то, в Питере, в Москве?

Дроздов Б.В.: Он политолог, он завкафедрой политологии, он не знает что такое железная дорога.

Андрей Евгеньевич: Знает, знает. Он в Академии наук у нас на президиуме делал недавно блестящий доклад. И если получится, но это тоже надо доказывать, этот мега-проект с поясом развития, то глядишь – что-то и получится. А это у него хобби. Это у него хобби – его политология. Так, продолжаем нашу работу, коллеги. Вот у нас не только производственники появились, но и чиновники, в таком хорошем смысле.

[01:40:02]

Шепель Евгений Александрович, заместитель главного государственного инспектора по использованию и охране земель, Артемовский городской округ.

Шепель Е.А.: Приморский край.

Андрей Евгеньевич: Да, Приморский край. Пожалуйста, Евгений Александрович, давайте мы вас послушаем, а то я только ругаю.

Шепель Е.А.: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Хочу, используя возможность, поблагодарить модераторов семинара за предоставление мне возможности выступить, но также хочу сказать, что чиновник я только по работе, а по хобби я тоже в большей части политолог. Поэтому мой доклад носит такой несколько глобальный социологический характер.

Значит, тема моего выступления: «Качество производимой продукции, как критерий ее востребованности». Я приехал с моря, поэтому я начну с морской тематики. Моряк торгового флота, начавший свою трудовую карьеру на закате существования советского государства, был настроен на романтическое отражение впечатлений своей жизни и вел судовой дневник. В одном из его описаний выхода на берег в странах юго-восточной Азии есть такие строки: «Практически в каждом порту на рынке можно встретить клоунов, которые выдают себя своим поведением, они движутся от лавки к лавке с большими сумками и опустошают прилавки так, как будто по ним прошло войско кочевников. Клоуны эти – наши советские туристы». Добавлю от себя: дорвавшиеся до свободного предложения зарубежных товаров широкого потребления.

Существование целой социальной прослойки клоунов подобного рода, сыграло немаловажную роль в деле развала Советского Союза. Любое общество, сумевшее решить проблему удовлетворения насущных потребностей значимого числа своих членов становится ориентированным на потребление. Человек начинает стремиться не просто жить, у него просыпается желание хорошо жить. В этом ловушка, или можно даже сказать – мина замедленного действия для того государства, которое оказалось неспособным позаботиться о надлежащем качественном соответствии потребительских свойств производимых в его пределах товаров широкого потребления. В такой ловушке и оказалась экономика позднего советского периода. В последнем фильме трилогии про резидента, которая называется «Ошибка резидента», авторы сценария и режиссеры хорошо показывают пример манипуляции потребительским сознанием молодых людей Советского Союза спецслужбами Запада. Реалии жизни советского бомонда эпохи застоя также свидетельствовали о подсознательном преклонении элиты перед потребительскими свойствами товаров, произведенных не у нас.

Чего, например, стоит эпизод из фильма про Галину Брежневу, когда ее друг, известный [нрзб] (01:42:46) искал возможность покупки хорошего фотоаппарата для того, чтобы подарить его на день рождения другу. Пока существовал тоталитарный режим – можно было обеспечить стратегическое противодействие негативному влиянию тенденций преклонения перед идеалами западного типа потребления. Под страхом советской тоталитарной системы и установлением господства принципов экономического либерализма продолжилось, и было доведено до логического конца дело удушения национальной экономики производства товаров широкого потребления. По большому счету, это одна из линий опутывания современной России щупальцами глобальной паразитарной системы.

Цель доклада состоит в том, чтобы предложить собственное видение механизма выхода сферы широкого потребителя российской экономики из тяжелого положения, подавляющего господства спроса на продукцию иноземного производства. Сохранение существующей тенденции означает неминуемый крах национальной сферы производства этих товаров. Любому из работающих сейчас политику или экономисту понятно, что в условиях существования экономики параллельной национальной, предотвратить влияние этой параллельной экономики на потребительские структуры национальной экономики, практически невозможно. Всегда найдутся каналы проникновения.

Любое государство, претендующее на статус суверенного полюса мировой державы всегда применяет политику протекционизма с целью удержания торгового баланса на позитивном уровне. Вопрос в том, до какой степени радикализация возможна применения этой политики. Рано или поздно наступает черта, за которой заботливое патерналистское

государство превращается в деспотического левиафана, пожирающего естественное стремление своих граждан к улучшению своего материального благосостояния. Соблюсти баланс, удерживающий от описанного качественного перехода, возможно посредством [нрзб] (01:44:19) государственного вмешательства. А в такую сугубо рыночную для традиционной экономической науки сферу, как повышение качества и конкурентоспособности товаров, производимых, в основном, частными отечественными организациями. Это возможно путем введения взвешенной государственной политики контроля. Во-первых, за надлежащим качеством производимых товаров широкого потребления, во-вторых, за потребительским сопровождением социальных групп.

Контроль контролю рознь. Никто не собирается вести речь о навязывании отживших [нрзб] (01:44:47) управлению экономикой, здесь в большей степени говорится о масштабных социологических исследованиях и применения механизма косвенного регулирования национальной экономики. Во-первых, необходимо заняться детальным изучением общественного института потребительского спроса.

[01:45:00]

Здесь не нужно изобретать никакого велосипеда, достаточно изучить опыт работы западных маркетологов. Но с той существенной разницей, что если те занимались изучением вопроса потребительского спроса, преследуя спекулятивную цель – добиться максимально большого спектра произведенных товаров, то в нашем случае необходимо вести речь об исследовании психологических составляющих потребительского поведения именно на государственном, а не частных уровнях для решения задач национальной политики, а не для лоббирования частных интересов производителей. Во-вторых, стоит говорить о создании условий для усиленного воздействия государства, на установление рычагов стимулирования такой продукции товаров широкого потребления, которые отвечало бы подсознательным мотивам потребителей, подлежащих постоянному изучению.

С этой целью необходимо введение практики государственных заказов на производство продукции определенного рода и качества. Пример можно наблюдать отрасли киноиндустрии: нередко после просмотра того или иного художественного фильма, у зрителя складывается впечатление, что этот фильм создан по заказу действующей власти. Впечатление, не лишённое оснований. То же самое необходимо создать для производства товаров широкого потребления. Этот вид деятельности, наряду со многими другими, необходимо признать не сугубо экономическим, но и стратегическим, имеющим важное значение для обеспечения долгосрочных государственных интересов. Немалая роль принадлежит также мерам поощрения личной творческой инициативы: каждого рядового производителя товаров широкого потребления. Каждый человек способен реализовать себя через творчество, а тут, как известно, процесс творческий. Поэтому, необходимо вести речь о научно обоснованном стимулировании производства через актуализацию творческо-психологических мотивов каждого производителя, задействованного во всех элементах производства.

Для товаров широкого потребления это тем более просто, что в подавляющем большинстве случаев, каждый производитель является потенциальным потребителем им же произведенных товаров. А кому, как не потребителю знать то, что ему нужно. Проблема любого крупного производства состоит в отбивании творческой инициативы, зашоренности любого рядового производителя. Подлинным достижением практической

социологической науки стало бы созданием условий, обеспечивающих полноценную творческую деятельность каждого труженика при сохранении принципа принадлежности данного труженика к единой системе производства. Здесь также стоит говорить и о государственном поощрении соответствующих научно-социологических исследований.

В-третьих, для достижения поставленной задачи необходимо регулярное также научно обоснованное сравнение отечественных товаров широкого потребления с их зарубежными аналогами. В экономической науке существует понятие «товары-субтитолы», (01:47:12) то есть, такие, какие при прочих равных условиях способны стать заменителями каких-либо иных используемых товаров. Так вот, для цели избегания замены отечественных товаров иностранными субтитолами необходима организация на государственном уровне постоянной системы мониторинга соответствия качества отечественной продукции импортным аналогам. В ряде необходимых случаев, когда превосходство импортных товаров определенного рода и качества над отечественными является вопиющим, следует вести речь о спланированном привлечении иностранной рабочей силы на отечественный предприятия-изготовители с обязательным санкционированным государством требованием перенятия у них навыков производства отечественными производителями. В случае невыполнения этих задач, руководство предприятия должно подвергаться административной ответственности.

Ну, и на конец, самое существенное, по сути своего доклада, считаю положение о том, что все перечисленные меры должны быть не спорадическими, а системными, рассчитанными на десятилетний цикл развития национальной экономики. Повторюсь, что обеспечение соответствия качества национальной продукции широкого потребления зарубежным аналогам, является важной государственной задачей, не уступающей по степени своей значимости важности вопроса государственной безопасности и самообороны. Поэтому, вопросы повышения качества национальных товаров широкого потребления должны быть увязаны в единую систему с вопросами обеспечения национальной безопасности, являться необходимыми элементами этой системы. У меня все, спасибо.

Андрей Евгеньевич: Спасибо. Вопросы? Прошу.

М: (01:48:36) Как вы смотрите на то, что в Приморском крае, это морская граница Японии и Китая, у меня там много знакомых живет и, собственно, там очень сложно встретить русский автомобиль. То есть, настолько просто пригнать, привезти из Японии, Китая и так далее – это момент раз. Как вы планируете бороться, даже если вы экономические какие-то вещи... Вопрос второй, весь Приморский край, большая доля его живет за счет внешних связей с Китаем, с Японией. Нет возможности самим, так скажем, ни производственной базы, ни экономической базы, просто, по-русски сказать – не прокормит этот край, если широкого потребления... Это хотелось бы чтобы вы раскрыли, что под ним вы понимаете, его не будет во внешней экономических связях.

Шепель Е.А.: Я понял ваш вопрос, спасибо. Я могу сказать так: Приморский край – это только лишь одна из составляющих единой экономической системы России, и проблемы, они, в общем-то, не какие-то специфические, дальние географически, а проблемы общие для всей страны в целом.

[01:50:04]

Да, действительно, подавляющее большинство машин в Приморском крае имеют правый руль. Моя личная машина тоже с правым рулем. И, действительно, очень сильно повязан регион на торговле с Китаем, Японией и другими сопредельными государствами. Я приведу вам такой пример: буквально несколько лет назад, когда наше правительство взялось за упорядочение поступления зарубежного транспорта, были очень существенно, скажем так, пресечены прежние потоки машин, произведенных более семи лет назад.

Что сделала лоббистская группа в Приморском крае? Они купили автомобиль «Жигули», упаковали ее соответствующим образом, как подарок, и отправили Владимиру Владимировичу Путину, мол: смотрите, на чем вы собираетесь заставить нас ездить. Проблема существует, проблема очень острая. Как я уже сказал, та модель, какую я предлагаю в своем докладе, она рассчитана не на год, не на два, она рассчитана на десятилетия возрождения национальной промышленности, с учетом, конечно, применения протекционистских мер.

Если взять тот даже пример, который существует в Приморском крае, если рубануть шашкой очень резко, то ничего, кроме как конъюнктурных мер, ни к чему это не приведет. Приморский край, действительно, он большей частью ориентирован на внешнюю торговлю, но очень много потенциалов, я занимаюсь лично землей, я вам скажу – очень много лишних неразработанных потенциалов, на которые можно было бы бросить усилия. В том числе, на эффективное развитие земель сельскохозяйственного назначения. Есть чем заниматься, нужно только соответствующим образом себя настроить.

Андрей Евгеньевич: Понятно. Еще вопросы? Пожалуйста.

Александр: Александр, [нрзб] (01:51:50). У меня такой вопрос: вот, те вещи, которые вы говорите они правильные и нужные для нашей страны, но вот, как человек, который недавно закончил бакалавриат МГИМО, я учился на экономиста, я могу вам сказать, что, к сожалению, по крайней мере в МГИМО, мы не уделяем внимания экономической истории. А только из экономической истории можно увидеть, что все разные страны мира использовали протекционизм. И мой вопрос в том, что, к сожалению, ваши предложения, они не будут восприняты нашим обществом, потому что общество попросту не знает, что Англия, США, они используют протекционизм, они использовали тарифы для построения своей промышленности и они открыли свои рынки только тогда, когда они построили свою промышленность.

Андрей Евгеньевич: Причем не только из истории, совсем недавно Штаты закрывали свой металлургический рынок, наплевав на все правила ВТО, сказав: «Вот, мы сейчас свою металлургическую промышленность технологически перевооружим, а потом откроем». И открыли потом, но перевооружили. Это совсем недавняя история, вы абсолютно правы. Так что проблема в том, что специалистов у нас мало – использовать эти методы все.

Шепель Е.А.: Но, я бы все-таки хотел ответить на вопрос, если все-таки это вопрос, а не критика. Надо изучать историю.

Андрей Евгеньевич: Да, абсолютно. И очень хорошо, что студенты понимают это дело.

Александр: Спасибо.

Андрей Евгеньевич: Как говорил Экклезиаст: «Когда тебе говорят: «Смотри, это новое» – не верь и говори: «Это было в прошлых веках». Я человек нейтральный по отношению к религии. Но эту вещь я знаю. Спасибо вам за вашу лекцию.

Шепель Е.А.: Спасибо.

Андрей Евгеньевич: Когда я смотрю на Приморский край, у меня все время мысль: я своим китайским друзьям, ну так по жизни получилось, у меня в Китае много личных и друзей, и подруг, занимаюсь я, веду это направление. Почему в известные годы китайские крестьяне начали шить вот эти дутики, и нам переправлять через границу, а наши крестьяне, живущие на той же границе – не стали это делать в ответ. Почему? Одна девушка объяснила мне почему, в неэкономической такой беседе. Это факт. А чем наши крестьяне отличаются от китайских? И там бедная деревня Хэйхедова напротив этого нашего, как его – Благовещенска. А теперь Благовещенск выглядит, как Хэйхе. Я недавно, как раз, посещал те места с той стороны границы.

Александр: Расскажите – почему?

Андрей Евгеньевич: Ладно, потом в частном порядке. Потому, что ответ не научный. «Не все, – говорит, – что вы делаете руками, вы делаете хорошо». Ладно, это к слову.

[01:55:00]

Мы продолжаем нашу работу, просто Приморье для меня такое близкое дело, тем более я смотрел на него с той стороны границы. **Вохвиков** Константин Константинович, здесь?

Вохвиков К.К.: Здесь.

Андрей Евгеньевич: Константин Константинович, пожалуйста. Это заместитель руководителя программы эко-парков. Ну, на основе и так дальше. Эко-парк – очень примерно представляем о чем идет речь, тут «зеленых» ругали недавно. Пожалуйста.

Вохвиков К.К.: Значит, я не планировал сегодня выступить.

Андрей Евгеньевич: Но, душа **[нрзб]** (01:55:40)

Вохвиков К.К.: **[нрзб]** Это некоторое создание индустриальных кластеров, это повышение производительности труда, которая сегодня нужна. Мы буквально года три назад закончили работать над программой, которая называется «Организация комплекса Экопарков на основе кассетного способа агропроизводства при замкнутой системе биогеоценоза».

Ну, во-первых, мы сегодня считаем, что нам нужна какая-то прорывная программа, которая буквально в короткие сроки сможет вывести Россию на какие-то определенный следующий экономический этап развития. Значит, программа эта должна отвечать, на мой взгляд, следующим параметрам: она должна быть масштабной, охватывающей все регионы Российской Федерации. Она должна получить быстрый результат, она должна быть малозатратной финансово, потому что сегодня мы не имеем, собственно, возможности иметь большие деньги, то есть, казна пустая. Она не должна требовать высокой квалификации рабочих инженеров, потому что сегодня мы имеем громадный дефицит простых рабочих квалифицированных, и также инженерно-технический персонал, который требует подготовки, если говорить о рабочих – 5-7 лет, а инженеров –

это порядка 10 лет. Программа должна затрагивать и другие области промышленности, должны за собой потянуть и многие другие отрасли. Она должна быть социально направлена, потому что у нас социальное состояние, особенно на селе, просто катастрофическое. Программа должна создавать новое гражданское общество, которое сегодня спит или практически отсутствует. Она должна производить товар, который будет востребован как у нас, на внешнем рынке, так и на внутреннем.

Теперь, значит, какие понятия заложены у нас в задании программы? Что такое эко-парк? В нашем понятии эко-парк – это тот самый кластер промышленный, который состоит из 100-150 производственных кооперативов. Я прошлый раз говорил человеку, который доклад о кластерах – что почему бы нам не создавать новые кластеры на основе производственных кооперативов и предприятий. Значит, эко-парк – это 12-15 тысяч новых рабочих мест, это 30 тысяч гектаров пашни, это 50-60 тысяч гектаров сельхозугодий, это юридическое лицо, которое имеет замкнутый цикл производства. Это поле, полная переработка выращенной продукции и, что очень важно, реализация ее через собственную торговую сеть.

Почему это важно? Потому, что сегодня нас ритейлеры буквально обездолили. Они производителя оставили без денег. Сами понимаете ситуацию, кто с этим сталкивался, что продать продукцию практически невозможно, если возможно, то с вас такие возьмут входные и так далее, типа взятки [нрзб] (01:59:26) официальные такие платежи. Но, если мы молоко по себестоимости, или даже продается на переработку по 12-15 рублей. То, что мы имеем в магазине, мы знаем. От 50% до 100% процентов накруток торговых – это сегодня в торговых сетях. Притом самое важное, вы же понимаете, эти ж деньги уходят на Запад. Все мощные торговые сети, это, как правило, иностранные сети. Наше сельское хозяйство мы совершенно оставляем без денег.

[02:00:00]

Теперь, значит, важно, что вторым определяющим фактором является кассетный способ агропроизводства. Это совершенно новый способ в растениеводстве. Что он дает? Если в двух словах сказать, что он представляет – это, знаете, выращивать в горшочке ростки, потом высаживать их на грядку или на поле. В данном случае мы имеем механизированный способ выращивания и посадки на поле уже пророщенных ростков, которые в течение 20-25 дней выращиваются в определенных условиях, потом при помощи кассет выносятся на поле и дальше происходит рост в обычных условиях.

Урожай кассетный способ дает высокий. Значит, каждый урожай, если взять по зерновым – это примерно, ориентировочно, это даже можно... Кассетный способ был опробован в 2000 году, это примерно 150-180 тонн по зерновым. Один урожай. Не центнеров, а тонн. Вернее так, я немного не прав: будем говорить – 40-50 тонн по зерновым. Опять же, будем говорить – тонн, а не центнеров. Мы в условиях средней полосы России выращиваем, будем выращивать 4-5 урожаев, отсюда получаем 150-200 тонн по зерновым.

Несмотря на этот большой урожай, происходит восстановление почвы, потому что мы в своей технологии используем самые последние достижения агропроизводства, применяются совершенно новые, не совершенно новые, а опробованные уже, в принципе, технологии – это применение гумуса, это применение биостимуляторов различных, которые сегодня существуют, и еще очень много приемов, которые сегодня

разработаны. При этом все начинается во время посадки растения на кассету, где растение получает очень мощную энергетiku и потом эта энергетика переходит на поле и происходит быстрый рост урожая.

Что такое кассетный способ? Это низкая себестоимость, это экологически, что очень важно, чистый материал без применения химии. Третьим важным условием, что следует с названия нашей программы – это замкнутая система биогеоценоза. Что имеется ввиду? Мы получаем, мы применяем, идет кругооборот биомассы, то есть, мы получаем биомассу с поля, мы ее перерабатываем, извлекаем из нее тот продукт, который нам необходим, а все остальное вносится обратно в почву. Значит, в данном случае мы имеем сохранение плодородия почвы и очень высокий эффект экономический.

Наша программа затрагивает и другие отрасли промышленности. Получается такой синергический эффект. Это строительство, это биотехнологии, это производство биоэтанола, это производство биопластиков, деревообработка, вода, водоподготовка и так далее. В результате этой программы производится востребованная продукция. Это экологически чистые продукты питания, это биоэтанол, это биопластики, которые на основе производятся биоэтанола, это органический белок, пищевой и кормовой в том числе.

[02:05:01]

Когда мы выстраиваем последовательность производство, мы получаем очень сильный экономический эффект. Сегодня производство биоэтанола у нас только в 2020 году планируется производить 8 миллионов тонн. Америка сегодня производит 50 миллионов тонн. Через 3-4 года они будут производить порядка 150 миллионов тонн. Почему так? Почему вдруг биоэтанол становится основным, главным сырьем именно в Америке? В силу того, что они заводят нас немножко в другую сторону. Хотя, биоэтанол, производство биоэтанола требует много органики и вроде говорят, что сегодня органики мало, не хватает на продукты питания. Весь мир, сегодня половина мира голодает, не хватает продуктов питания, а в то же время американцы идут мощными шагами по развитию именно биоэтанольных комплексов.

Значит, потому что биоэтанол является сырьем для производства биопластиков. Биэтанол является сырьем для производства очень большого количества продукции, которая основана на биопродуктах. И вообще, будущее развитие экономики – это биоэкономика. Вот здесь биоэтанол играет одну из важнейших ролей, которая отводится промышленности. Еще раз повторю: в 2020 году мы планируем 8 миллионов тонн, американцы уже сегодня производят 50 миллионов, а через три года будут производить 150 миллионов. Вот наше отставание. Это в 2020 году будем производить, а сегодня мы не производим ни одного грамма биоэтанола. Спасибо.

Андрей Евгеньевич: Вопросы?

М: Есть. В начале вашего доклада, вы сказали, что ваш парк – что-то из серии быстро, дешево и так далее. Есть экономический закон: качество, скорость и стоимость. Не бывает быстро, дешево и качественно. Это невозможно, в принципе. Как вы в своей работе, есть еще положительный пример того, что вы говорите [нрзб] (02:07:59) он построил свою дистрибьюторскую сеть, но это не государственное предприятие, и за счет того, что высокотехнологическое, они только создали такую мощнейшую структуру. Их обороты выросли по всем показателям в 1,5 раза. Вы могли пояснить, в чем снижение

[нрзб]? Именно цифра, не только кассеты попадают в поле, а за счет чего достигаете вы эффективность? И как это **[нрзб]** с началом вашего доклада. Спасибо.

Вохвиков К.К.: Значит, эффективность, в данном случае, достигается за счет высоких урожаев, которые мы получаем при применении этого кассетного способа производства. Каждый урожай у нас порядка 40-50 тонн, а не центнеров, я делаю ударение. В то же время мы получаем 4 урожая благодаря кассетному способу. То есть, мы на поле выносим ростки, готовые ростки пророщенные, и за счет определенных агроспособов мы примерно на 30 дней сокращаем время созревания по зерновым. Мало того, что мы получаем очень большой урожай, в то же время получаем этот урожай за срок, который на 25-30 дней короче, чем в обычной системе агровозделывания. Еще, пожалуйста, первый вопрос.

М: Первый вопрос: насколько **[нрзб]** (02:09:43), а кто их будет покупать? Никто не отменял мировой рынок, мировые цены на зерно, фьючерсы и так далее. Вы произвели дешево, отлично, но на 30 дней раньше никому не нужно.

[02:10:00]

Вохвиков К.К.: Я же в своей программе сказал, что это биоэтанол, который будет производиться из этой органики, который сегодня востребован, который в последующем будет производиться, как топливо. Но самое главное, он будет производиться, как сырье для производства новых поколений материалов.

Бодрумов С.К.: Спасибо большое, Константин Константинович. Я думаю, что я, наверное, вас поддержу в такой части, что когда мы говорим о спросе и предложении, об экономике спроса и экономике предложения, мы должны понимать, что это очень взаимосвязанные вещи. Если есть интересное предложение: вы говорите, вот зерно поступает раньше на рынок. Если оно раньше поступает, значит, это предложение поступило в другой период. Это значит, что если через некоторое время есть спрос на это зерно, то понятно, что те, кто его спрашивают, будут подстраиваться под новые темпы подачи материала, подачи товара, зерна и так далее. Через некоторое время сформируется соответствующая инфраструктура и так далее. Так развивается рынок. Классика, спасибо.

Андрей Евгеньевич: А я еще напому о том, что вот эта фраза, что спрос диктует предложение – она не очень грамотная. Давным-давно, еще в XIX веке один великий экономист XIX века сказал, что все не так, ребята, в рыночной экономике. Наоборот, он сказал: предложение силой берет спрос. А что, не чувствуется как оно силой формирует ваш спрос? Ну, кто знает Маркса, я сейчас сформулировал. А иногда и жестко.

Бодрумов С.К.: Не будете брать облигации – отключим газ, помните?

Андрей Евгеньевич: Константин Константинович, я забираю вашу визитку. Для чего? Тут ваши данные есть. Если ничего не изменяется, мы сегодня с директором будем говорить. Ориентировочно 17 апреля у нас состоится ученый совет института, посвященный проблемам агрокомплекса России. Я вас приглашу, доклад мы планируем сделать. Будет один из вице-президентов **[нрзб]** (02:12:38) делать доклад, стартовый доклад. Я думаю, и вас будет послушать интересно. Ладно?

Вохвиков К.К.: Я прошу прощения, я не планирую выступать...

Андрей Евгеньевич: Ну, понятно. Я говорю, забираю вашу визитку, чтобы вам по мейлу или по телефону либо я, либо моя секретарь пригласила. Ориентировочно пометьте себе – 17 апреля пока, в 15 часов. Вы знаете, Нахимовский 32. Ну что, Вячеслав, успеешь сказать? Будет неправильно... Видите, никто мне не скажет: лоббирование – институт экономики последний, на этой части. Мы продолжим после обеда. Главный научный сотрудник Института экономики РАН, Павлов Вячеслав.

Павлов В.И.: Я, как говорится, ученый: 65 лет своего стажа трудового, 48 лет в науки, и много лет на заводах работал, [нрзб] (02:13:45), электронной промышленности, в период совнархоза, поэтому знаю, как там было.

Андрей Евгеньевич: Нет, ну не надо. Я тоже слесарь-сборщик электродов и оборудования второго разряда. У меня удостоверение.

Павлов В.И.: У меня простая тема – о налоговой системе инновационной парадигмы, налоговой системы бюджетной. Работая над этим делом, мы работаем очень долго, мы инспектируем бюджет федеральный уже более 10 лет. Каждый год его критикуем, каждый год это делается очень сложно, очень непросто, очень ненадежно и очень неточно, потому что параметры, которые используют для расчета программы этой, для расчета социального развития экономического – это примерно сотни показателей: и ВВП, и инфляция, и цена на нефть, и много чего там намешано. Поэтому все эти цифры условны, хотя закон их утверждает федеральный. Причем только федеральный бюджет утверждается законом, это примерно 40% от тех денег, которыми государство владеет для субъектов федерации, для муниципальных органов и так далее.

[02:15:00]

Поэтому, у меня предложение такое, что нужно отказаться от действующей системы налоговой. Потому, что она должна знать налог на прибыль, НДС – столько всех этих акцизов, показателей, которые по сути дела дают бизнес. Как это было лет 10 назад в вольном обществе экономическом? [нрзб] (02:15:28) и бывший зам министра Налевский Володя говорил, что бизнес давит не величина ставки налоговой, а его несовершенство, непостоянство и бесконечные изменения. Вот этот кодекс налоговый такой толщины, имеющий больше 340 статей, это тысячи писем теперешней налоговой системы [нрзб] (02:15:50) Сердюков, он писал в своей докторской диссертации, что он ежегодно (как бы хвалился) пропускал более 3 тысяч писем имеющих нормативный характер – кому, что делать. И поэтому два миллиона бухгалтеров сидят на предприятиях, копают запятые, чтобы совпало. Никому это не нужно.

Поэтому у меня простая система, все гениальное просто. Система налоговая полностью отменяется и выходит кодекс налоговый на 3-5 страничках, имеющий 5-6 формул, моделей, которые учитывают затраты, издержки производства, они будут тогда конкурировать, чтобы была продукция конкурентная, чтобы издержки снижались. Тогда будет и продукция конкурентоспособна. Второе: имеет общественные [нрзб] (02:16:46) стоимость, то бишь, вместо всех налогов, называется экономическая рента. Имеет квази-ренту, это накопительный капитал, который будет идти вместо всеобщей амортизации для хозяйствующих субъектов. А так, как капитал больше создается наукой и прошлым поколением, то там будет и пенсионный фонд и там будет на науку. У меня есть все расчеты за эти десятилетия.

Наука получает свои более 5% ВВП, хотя был раньше закон – 4%, должны были быть, потом его отменили. На пенсионный фонд более 10% идет, все там четко складывается. Причем, у меня по этой модели рассчитали ВВП Америки элементарно, потому что у меня два параметра всего-навсего. Это численность [нрзб] (02:17:43) экономики, а она известна, и оплата труда среднемесячная, она тоже, по сути дела, под наблюдением. И МРОТ – минимальная оплата труда. Поэтому этот оборот не позволяет сделать сетку единую, для всех и вся единую.

Первый разряд – это МРОТ величина, там абсолютная 5220 час – и все окей будет, 520 тысяч. Через шаг, через [нрзб]. Ставка, получается поднять, считается налог НДФЛ, учитывает не просто вашу зарплату, а в сочетании с МРОТ. Хочешь получать большую сумму – подтягиваем МРОТ чтобы не было большого разрыва, как сегодня. Как писал [нрзб] (02:18:30) что за оплату [нрзб] 100 миллионов рублей в месяц. Я так подумал, это нужно тому, кто получает МРОТ работать более 2000 лет, чтобы получить зарплату месячную. Поэтому, в таком разрыве будет налог, там 70% в бюджет идти. Причем, в бюджет будет идти муниципальный, там, где люди проживают. Хоккеисты работают в Америке, а деньги налоговые идут в Россию, потому что здесь должны быть. Он здесь родился, он здесь и пригодился.

Здесь была конференция, в этом институте, бывшем финансовом заочном была конференция, там американцы выступали. Американец говорит: что если уехал американец и поменял гражданство, как, допустим, сейчас француз поменял гражданство, то по закону американскому 10 лет идет налог туда, где он был гражданином, а не так, что он уехал – и все. Поэтому такие предложения. Эта система чем хороша? Тем, что она едина для всего мира и на века. Там всего два показателя и все легко считается. Она едина для таможенной системы, не будет этих таможенных пошлин, потому что все будет считаться по этой модели. Не нужны таможенные пошлины, входные, выходные, это все, как говорится, от фонаря. У меня все расчеты есть. Даже с собой я взял.

[02:20:04]

Все расчеты есть у меня по стране. Я считал по ракетному комплексу, по [нрзб]. Могу посчитать под любое предприятие. Причем так: если имеется цифра выручки завода, по его данным я считаю и оглашаю: «Ребята, это у вас сверхприбыль». Я почитал сверхприбыль по ЦБ, Банку Центральному – у меня получалось большая сверхприбыль. Она отчисляется и уходит на финансовый рынок, для финансирования, для получения дешевых кредитов. Причем, право первой руки у государства, которое тоже должно брать кредит. Не просто так ему деньги дают, а он что хочет с ними и делает. Право первой очереди у него, а дальше дешевые кредиты берут предприятия, кому нужно. То есть, вот такие мои предложения. Спасибо большое.

Андрей Евгеньевич: Спасибо, Вячеслав. Я не хочу, так сказать... Мы давно дискутируем по поводу предложения Вячеслава Ивановича в институте. Я просто хочу сказать, что одна мысль там есть четкая, с которой трудно спорить. Я просто вспоминаю самое-самое начало наших реформ, конец еще 80-х, 1987-1989 год, еще советская власть была. Мы в институт пригласили, к нам приезжала одна из старших вице-президентов одной из крупнейших американских нефтяных корпораций. Она как раз вела финансы. Она выступала и говорила одно: «Ребята, вы только собираетесь строить полноценную рыночную экономику, и у вас есть одно очень колоссальное преимущество. Делайте

максимально простую налоговую систему. Наше, – она про себя говорит, – мы же довели ее до того: на каждой маленькой позиции мы вынуждены держать одного специалиста, который в ней хорошо разбирается. Невозможно найти человека, который разбирается во всех этих позициях. Делайте ее максимально простой». Мы по этому пути не пошли. Понятно, нормальные герои всегда идут в обход. Но, уж конкретные вопросы можно обсуждать. Да, пожалуйста.

Ткаченко И.А.: Можно комментарий? В рамках работы над проектом по строительству провели опрос предпринимателей Санкт-Петербурга, попросили сформулировать их представление об идеальной налоговой системе с точки зрения предпринимателя. И предложить: во-первых, все налоги зарплатные, включая социальные отдать на откуп физическим лицам. Предприятие платит зарплату, а человек сам разбирается со своими налогами, как во всем мире и никто этим больше себе голову не морочит, это первое. Второе, оставить всего два налога: первый налог это налог с оборота вместо всего, вместо налога на прибыль, вместо НДС, вместо всего. Налог с оборота, потому что он легко монетизируется, он легко... И второе – это ввести налог с продажи, который идет прямым образом в местный бюджет. Все.

Андрей Евгеньевич: Напоминаю, правительство Рыжкова Николай Ивановича полетела с попытки налог с продажи сделать – пять копеек на хлеб накинута. Эти пять копеек... А потом цены в 26 раз подняли. Прошу прощения.

Ткаченко И.А.: То, что у нас происходит сейчас с ростом цен, этот налог на продажу, если его не афишировать, и не забивать голову – его просто никто не заметит. И, в общем, они правы. С этой точки зрения решается две проблемы: заполняемость местного бюджета и прекращение кошмаривания бизнеса, создание нормальных условий для его функционирования. Это мнение, опрос более 120 предприятий. Сокращение налога **на прибыль (02:24:15)**, затрат на мониторинг, потому что все элементарно, все абсолютно прозрачно

Андрей Евгеньевич: Нам при этом говорят, что властьпридержащие – они все нацелены, чтобы защитить бизнес. Они все говорят: «Мы за бизнес, мы рыночную экономику...» Мешают тут вот – отдельные ученые выступают.

Павлов В.И.: [нрзб]

Андрей Евгеньевич: Правильный подход, видите, эта идея абсолютно верная. Но вы представляете, скольких людей вы лишите работы и дохода. Еще Макиавелли писал, великий, что люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества, а вы лишаете людей дохода и работы. Спасибо. Коллеги, мы сейчас объявляем перерыв на обед. Те, кто продолжит – продолжим здесь наш разговор, подойдут еще новые товарищи, и мы продолжим. Неплохо пока получается у нас с вами.